

НУРА РИД

ОНИ НЕ ТЕНИ
ОНИ ТЕ, КТО НЕ СМОГ УБЕЖАТЬ

СЕРЕБРЯНЫЙ
КОШМАРОВ

18+

Мистические миры

Нура Рид

Серебро твоих кошмаров

«Автор»

2026

Рид Н.

Серебро твоих кошмаров / Н. Рид — «Автор»,
2026 — (Мистические миры)

Для тех, кто не любит длинные аннотации: Что скрывается внутри?
Осознанные сны, галлюцинации, сексуальные сцены, яркие главные герои,
саамские легенды. Для тех, кто любит длинные аннотации: Меня зовут Аврора,
я фотограф, одержимая красотой полярной ночи. Моя страсть обернулась
проклятием: я стала заложницей двух миров. В одном делаю снимки
северного сияния, а в другом живу в мире вечной зимы, где правит лёд и
тьма. Каждую ночь я проваливаюсь в один и тот же сон — мир лютой зимы,
где полярная ночь длится вечность, а небо разрывают зелёные раны сияния.
Просыпаясь, я вижу на своей коже светящиеся голубые узоры. Проявляя
фотографии, замечаю силуэты призрачных теней. Реальность стала трещать
по швам, когда я проснулась в морге. Вы знаете, каково умереть во сне? Нет?
Тогда я расскажу вам свою историю смерти.

© Рид Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	47
-----------------------------------	----

Нура Рид

Серебро твоих кошмаров

Тропы
Город-призрак
Вечная ночь
Холод = эмоциональная броня
Реальность или безумие?
Любовь к призраку
Секс как подтверждение существования
Фотографии, которые меняются
Псевдомистика
Эротический триллер
Обязательные предупреждения

Этот роман содержит сцены, которые могут ранить. Здесь нет исцеления через любовь, только попытка согреться в мире, где даже дыхание замерзает. Жёсткие эротические сцены, секс как агрессия и борьба за контроль.

Чего нет в романе:

Фэнтезийного мира с эпическими битвами, но есть...

Тёмная романтика с элементами мистики, готическая атмосфера в духе "Женщины в черном", где призраки предвещают смерть, а любовь переплетается с ужасом.

Здесь нет светлых магических академий, как Хогвартс, но есть...

Dark с кровавыми тайнами, где магия слов ведёт к насилию и предательству. Эротический роман 18+, где страсть граничит с опасностью и преследованием.

Здесь нет типичного хэппи-энда, но есть...

Горько-сладкий финал, где любовь оплачена кровью и предательством. Открытая развязка с намёком на безумие, где граница между реальностью и одержимостью стирается.

Здесь нет простых героев, но есть...

Антигерои с тёмным прошлым, чьи действия балансируют между жестокостью и страстью.

Пролог

«Каждый раз, засыпая, я попадаю в город, которого нет на карте...»

Мир вернулся ко мне через ледяную вуаль смерти. Первое, что почувствовала — запах. Он был резким, химическим, с нотками разложения, скрытый сладковатой маской антисептика. Хлорка, формалин и что-то ещё, что мой разум отказывался воспринимать. Второе, звук. Чёткое тиканье часов, прерываемое потрескиванием люминесцентных ламп. И третье, холод. Он пронизывал изнутри, будто мои вены наполнили льдом.

Открыв глаза, я увидела потолок. Бетонные плиты с пятнами от сырости, мерцающие в голубоватом свете ламп, выглядели весьма сомнительно. Я лежала на металлическом столе обнажённая. Тело было укрыто грубой старой простыней, пропитанной тем же химическим ароматом. Дыхание вырывалось облачками пара в переохлаждённом воздухе.

Морг. Вот то слово, которое первым пришло в голову. Осмотрев помещение, я увидела ещё три стола, но они оказались пусты. Дальше — стальная стена, в которой было множество дверей. Там хранили трупы, чтобы остановить разложение.

Чёрт возьми, как я оказалась в морге?

Попыталась пошевелиться, но тело не слушалось слишком тяжёлое и одеревеневшее от холода. Смогла сжать кисти и поскребла ногтями по металлическому столу. Тот звук был невыносимо громким в гробовой тишине.

«Не надо».

Чёткий приказ, который я услышала в своей голове, насторожил. Он прозвучал внутри черепа сломленный, но узнаваемый до мурашек. Голос Севера.

Я попробовала мысленно позвать его. Задала сотню вопросов, а в ответ получила только эхо собственного ужаса. В тот миг я почувствовала его в липкой холодной тьме, что находилась по ту сторону реальности. В мире, где время текло как застывшая кровь, а небо вечно разрывало зелёными ранами полярного сияния.

Ледяная боль под рёбрами пульсировала в такт дыханию, будто в меня вогнали огромную сосульку. Я застонала, не в силах сдержать эмоции. Эхо прокатилось по кафельному помещению оглушающим звоном.

«Аврора, — голос Севера снова прошелестел в моём разуме, уже слабее, словно его уносил ледяной ветер. — Не просытайся. Пожалуйста».

«Что происходит? Где ты?»

«Я держал дверь открытой слишком долго. Моё время кончилось».

В тот миг моё зрение изменилось. Морг на мгновение распался на пиксели, и я увидела другую реальность. Она наложилась на эту, как фотография с двойной экспозицией. Север стоял на коленях перед алтарём из чёрного льда. Его тело казалось прозрачным, как зимнее утро, а внутри переплетались мерцающие прожилки, последние следы той силы, что делала его больше, чем человеком. Он таял, как снежинка на тёплой ладони.

«Нет! — мысленно закричала. — Я не дам тебе уйти!»

«Ты не понимаешь. Если проснёшься в своей реальности, я исчезну. И ты тоже. Потому что часть тебя уже принадлежит моему миру. Держись за сон, Аврора».

Его образ дрогнул. Края ледяного собора начали крошиться, осыпаясь беззвучным стеклянными дождём. Боль в моей груди усилилась, превратившись в ледяной ожог, выжигающий всё тепло из сердца. Я задыхалась в двух мирах сразу. В морге, где лёгкие не слушались, и в мире зимы, где воздух сам по себе был осколками стекла.

«Я не хочу умирать, — прошептал Север, и в том голосе сосредоточилась вся тоска его души. — Но я не хочу забирать тебя с собой».

Мои пальцы, наконец, сжались в кулак. Ногти впились в ладони, когда почувствовала капли крови, выступившие на бледной коже. Боль — мой якорь. Доказательство того, что я ещё здесь. Ещё могу оказать сопротивление и буду бороться.

«Ты не умрёшь, — мысленно бросила ему, вкладывая в слова всю ярость, весь страх, всю странную, извращённую привязанность, что выросла во мне за месяцы снов. — Я вернусь».

Призрачный образ Севера метнулся ко мне и протянул полупрозрачную руку в тщетной попытке коснуться. Наши пальцы почти достигли друг друга в том искажённом пространстве между мирами, когда дверь в морг со скрипом открылась. Резкий, слишком яркий луч света врезался в полумрак глухого помещения. Силуэт мужчины в белом халате замер на пороге.

— Кто здесь? — прозвучал растерянный голос с дрожью.

Соприкосновение двух миров рухнуло. Ледяной замок, Север, боль — всё замкнулось в одну точку, сосредоточенную в центре моего мозга, и погасло. Подо мной остался металлический ледяной стол. Химический запах и глухие шаги, раздающиеся по кафелю.

Я зажмурилась, чувствуя слёзы, текущие по щекам. В тот момент мне нужно было выглядеть мертвее мёртвой. Сердце колотилось в груди, и тот сумасшедший барабанный бой, казалось, слышали не только мёртвые, но и живые. Шаги приблизились, и я почувствовала на себе взгляд мужчины.

— Странно, — пробормотал он. — Клянусь, мне слышалось...

Его холодные пальцы, коснулись моей шеи, в поисках пульса. В тот момент, когда прикосновение должно было выдать мою страшную тайну, в сознании прозвучал едва уловимый шёпот. Он был похож на прощание.

«Тогда возвращайся...».

И связь оборвалась. Осталась только пустота. Холод. И тиканье часов, отсчитывающих секунды в мире, где я была объявлена мёртвой.

Глава первая. Норвегия

Если ты фотограф твоя первая камера — это глаза.

Ночь в Норвегии, застывшая между бескрайней темнотой и призрачным свечением на горизонте, производила впечатление жуткой страницы из сказки. Воздух был кристально чистым. Каждый выдох превращался в густое облако пара, оседающее инеем на ресницах. Вокруг безмолвие, нарушаемое лишь редким потрескиванием снега под собственным весом и далёким воем ветра в горах.

Минус тридцать градусов по Цельсию — это не просто цифра. Это острое, пронизывающее ощущение, которое заползает под одежду, сковывает пальцы, делает металл камеры обжигающе-ледяным. Даже через толстые перчатки я чувствовала его укус. Штатив стоял неподвижно, но казалось, что и он дрожит от мороза. Каждое движение требовало усилий, будто моё тело превращалось в хрустальную статую, которая вот-вот треснет.

Я стояла по колено в снегу. Пальцы в перчатках онемели от холода. Я не двигалась уже час. Ждала, когда сияние разорвёт небо. Ветер завывал, как волчица, потерявшая своих детей. Ледяные иглы снега резали лицо, пока в ушах у меня звучала колыбельная. Кофе в термосе остыл, я всегда забывала пить его во время съемки.

Полночь. Небо чёрное, как смоль, уже начинало подёргиваться бледно-зелёными прожилками. Северное сияние ещё робкое, пульсировало, как живое. Разливалось по небосводу жидким светом.

Камера на заиндевевшем штативе трещала от холода. Я не чувствовала пальцев, лишь жгучую боль в лёгких при каждом вдохе. Северное сияние сегодня неестественно зелёное, как разлагающийся фосфор.

— Ещё три минуты выдержки... — прошептала я.

Ветер принёс запах больничного антисептика, хотя вокруг меня царила безмолвная, ледяная тундра. Приходилось терпеть жгучий холод, осознавая, что вскоре в моих руках окажется очередное чудо природы. Плёнка дорогая, время ограничено, а сияние неуловимое и капризное, как дитя.

— Ещё немного, ещё кадр, ещё секунда, — повторяла шёпотом, стискивая зубы, чтобы не стучали.

Глаза слезились от ветра, но я не моргала, боясь пропустить момент, когда небо вспыхнет по-настоящему. В голове мелькали обрывки мыслей: «А что, если сегодня не будет сильнее? А если плёнка замёрзнет? А если я сама замёрзну?»

Но тут же прозвучало упрямое: «Нет, я должна это заснять».

Пока камера тихо щёлкала, а сияние медленно разгоралось, я думала о том, что где-то там, в тепле, люди пьют горячий чай у камина и даже не подозревают, какое чудо творится над их головами. А я здесь, на краю мира, одна со своим упрямством и камерой, ловлю свет, который, может быть, уже давно погас где-то в глубине космоса.

И это того стоило. Даже если потом придётся целый час отогревать пальцы. Даже если плёнка окажется пустой. Даже если... Небо внезапно вспыхнуло изумрудным пожаром, и я задержала дыхание. Вот оно.

Над чёрными зубцами гор, где тьма срастается с небом, разверзлись врата иного мира. Холодный ветер шептал древние заветы, а в вышине, будто призрачная паутина, заколебалось северное сияние. Мертвенно-зелёные сполохи извивались, как духи забытых грешников, просачиваясь сквозь бархат ночи. Лиловые отсветы, словно синяки на теле небес, пульсировали в такт незримого сердца. Порой вспыхивали кроваво-алые прожилки, будто сама вечность истекала кровью.

Тени двигались неестественно, будто не люди, а что-то другое подняло головы к этому мерцающему безумию. Воздух звенел ледяным гулом, наполненным шепотом: *«Они близко...»*

И тогда поняла — это не просто свет, а взгляд чьих-то бездонных, холодных глаз, взирających на меня из глубин космоса, где нет ни времени, ни милосердия. Затвор непрестанно щёлкал. Я пыталась уловить каждый всполох и новую прожилку сияния, зная, что в проявочной буду сходить с ума от нетерпения. А после часами изучать цвета, что красивыми ломаными линиями, появлялись на тёмном небе.

А потом тьма сомкнулась вновь. Я уже не чувствовала своего тела. Руки онемели настолько, что собрать камеру и сложить штатив, казалось невыполнимой задачей. В тот миг, когда я уже возликовала, потому что смогла всё собрать, почувствовала боль в левой ладони. Раскрыв ладонь, которую сжимала в кулак, заметила кровь. Порез? Обо что я могла порезаться? Когда я попыталась обмотать ладонь платком, пять капель крови упали на снег. Сияние вспыхнуло алым просветом, удивив меня и заставив пожалеть, что убрала камеру. Снег зашипел, впитывая красные капли крови. А я услышала тихий треск льда, хотя точно знала, что подо мной нет озера.

Мысленно, я вновь и вновь прокручивала каждое мгновение в голове, пока пробиралась через толщу снега. Дорожки давно замело, потому приходилось прилагать максимальные усилия, чтобы идти вперёд. Кровь в моём теле, кажется, заменили на лёд и теперь по венам текла, холодная жидкость северных айсбергов.

Дверь скрипнула, когда я её толкнула. Тёплый воздух домика укутал моё продрогшее тело, словно одеяло, но я ещё долго буду помнить колючий холод. Сбив снег с ботинок, склонилась, с трудом развязывая шнурки, окоченевшими пальцами.

Хозяин домика, в котором я сняла комнату на эти выходные, пожилой норвежец с седыми усами и спокойными глазами, выглянул из кухни.

— Поймала своё сияние? — спросил он без насмешки, понимая мою отчаянную жажду охоты.

Я только кивнула, всё ещё не в силах разжать зубы.

— Сейчас принесу чай, — коротко сказал он и исчез.

Присев на старый стул, мысленно, я заставляла своё тело отогреться. Желала почувствовать, как горячая кровь, что застыла в венах, бежит к сердцу и обратно, согревая конечности. Лейф сунул мне в руки дымящуюся чашку с чаем. Сверху плавали какие-то ягоды и травы. Глубокий землистый аромат напомнил мне хвойный лес, спрятавшийся высоко в горах. Подув, разогнала облачка пара и немного пригубила. Терпкий, с лёгкой горчинкой вкус, удивил.

— Что это за ягоды?

Лейф усмехнулся, вокруг глаз собралась паутина из морщин.

— Можжевельник, цветы таволги, шиповник — это сбор трав и ягод, которые мы заготавливаем на зиму.

— Очень вкусно.

Он усмехнулся и покачал головой, как это часто делали люди его возраста. Жить в отдалении от города, не имея рядом магазинов и помощи, казалось сумасшествием, но именно этим мне и нравились подобные деревушки. Численность не более двухсот человек. Несколько десятков домов, расположенных рядом друг с другом, и тишина. Здесь не было городских

огней, которые мешали увидеть северное сияние и звёзды. И всё казалось другим, будто я перенеслась в прошлое, где приходилось выживать.

Просидела я с чаем долго, пока не почувствовала, как щёки покраснелись. Скинув тёплую парку, прошла на кухню, где пахло корицей и тушёной бараниной.

— Садись, — скомандовал Лейф, сунув мне новую кружку.

Та смесь с обжигающим глегом, в этот раз с ромом, предназначалась для отогрева. Пальцы постепенно розовели, и боль от возвращающегося кровотока была почти приятной.

Хозяин молча поставил передо мной тарелку с фориколем, традиционным норвежским рагу. Лейф говорил мало, но в его молчании не было неловкости. Он понимал, я пришла не за разговорами. Сейчас я была охотницей, жаждущей заполучить новую порцию кадров с северным сиянием.

— Плёнка не треснула? — спросил Лейф.

Его вопрос заставил меня встать. Вернувшись в прихожую, достала камеру и проверила.

— Хорошо, — произнёс Лейф, выглянув из кухни. — Значит, сможешь проявить.

Выдохнув напряжение, на секунду сковавшее тело, я вернулась на стул возле камина и вдохнула тёплый аромат специй, витавший в комнате. Сделала несколько осторожных глотков глега, чтобы не обжечься. Желание отогреть лёд внутри, было настолько сильным, что хотелось в тот же миг принять горячую ванну, но это могло подождать. На первом месте всегда фотографии. Я жаждала проявить сделанные снимки и посмотреть, какой чудо-узор на этот раз нарисовала в небе природа.

— Можешь воспользоваться комнатой на чердаке.

— Там темно?

Лейф какое-то время молча наблюдал за мной, будто раздумывая, говорить или нет, после чего пожал плечами.

— Я когда-то и сам занимался этим. Гонялся за северным сиянием в поисках самого невероятного снимка, который подарит людям истинную красоту природы.

В тот момент, когда он признался, мои глаза загорелись нетерпением.

— Не спрашивай, я всё равно больше ничего не расскажу. Иди, прояви свои снимки.

Столько вопросов роилось в голове, но по его взгляду было понятно, Лейф не шутит. Он отвернулся к плите давая понять, что разговор закончен. Разочарование на мгновение охватило мою душу, но я уважала его решение.

Взяв камеру, поднялась на чердак, в крошечную тёмную комнату. Лейф не лгал, здесь всё было заставлено старым оборудованием: штативы, разной высоты и размера, камеры, но ни одного снимка. Всё давно покрылось пылью, отчего я испытала толику грусти. Освободив себе достаточно места, достала баночки и принялась разводить химикаты в ванночке. Руки дрожали от дикого волнения.

Свет красной лампы был таким мягким, почти мистическим, когда я погружала плёнку в проявитель. Вот, где творилась настоящая магия, в реальном мире цифровых технологий. Здесь рождались образы, поначалу размытые тени, после чего появлялся контур гор и наконец... небо.

Зелёные, сиреневые, голубые волны испещрили большое полотно, словно художник рисовал кистью те ломанные линии. Они плыли по чёрному фону, как живая река. Кадр за кадром, сияние то яростно вспыхивало, то стелилось тонкой дымкой.

Я не сразу осознала, что снимки испорчены. Проявитель стекал в раковину чернильными каплями, пока я разглядывала полосы на плёнке. Там не было северного сияния, горных силуэтов, которые должна была запечатлеть камера на автоспуске.

Вместо этого виднелись — чёрные, как смоль разводы, будто кто-то провёл пальцем по сырой эмульсии. В одном месте, нечёткий контур, похожий на плечо. В другом, нечто напоми-

нающее склонённую голову. Как будто кто-то стоял за моей спиной всё то время, пока я, дрожа от холода, настраивала выдержку. Но я помнила, что на пустынном плато не было ни души.

Последний кадр оказался самым ярким. На нём, в правом нижнем углу, едва заметно, проявился силуэт. Мой собственный. Я стояла на фоне северного сияния, маленькая, почти потерянная в той бескрайней, холодной пустыне льда. Нечто вязкое и страшное прошлось по моей спине. Как такое могло произойти? Я ведь не выходила за пределы камеры, оставаясь созерцать сияние возле объектива. Как я могла попасть на снимок?

От страха, поднимающегося волнами в душе, меня спас Лейф.

— Получилось?

Обернувшись, я посмотрела на него, не зная, что ответить. После нескольких минут раздумий, пригласила его войти и показала снимки. Лейф не выглядел удивлённым, внимательно изучая каждый кадр. Я не могла прочесть выражение его лица, но казалось, он видел нечто подобное раньше.

— Теперь ты его часть, — прошептал он настолько тихо, что я не поняла, кому были адресованы те слова. — Что с твоей рукой?

Кивнув на забинтованную платком ладонь, он подошёл и аккуратно развязал его. Увидев пять крошечных ранок, печально покачал головой, и когда наши взгляды встретились, я отпрянула. В глазах Лейфа плескалась густая печаль.

— Ты стала одной из них.

— О чём вы говорите?

— Пять ран. Пять капель на снегу. Ты ведь помнишь, что произошло, когда твоя кровь коснулась земли? — я кивнула, неосознанно, всё ещё напуганная его отчаянным взглядом. — Значит тебя выбрали.

Он указал пальцем на мою левую скулу и, прочертив в воздухе символ полумесяца, указал на родинку. Она передалась мне по отцовской линии, вот только мужчины не носили такую метку, она появлялась на лицах женщин.

В голову пришла ужасающе-прекрасная мысль, я не только запечатлела сияние, а отдала ему что-то своё. Может, то был холод, что намертво вьёлся в мои кости или неутолимая жажда исследования нового. Поиски того самого сияния, которое захватит своей красотой каждого человека.

— Возможно, пленка старая или бракованная, — ответила я, пожимая плечами, но чувство страха никуда не ушло. Оно затаилось внутри, ожидая своего часа. — Или засвеченная была.

Произнеся всю ту ложь, я осознала, что плёнка была свежая. Я купила её в Осло, в герметичной упаковке.

— Пойдём.

Развесив снимки, оставила их сохнуть и спустилась вниз.

— Зачем именно ты приехала? — спросил Лейф.

— За легендой, — посмотрев ему в глаза, ответила честно. Легенда, о полярной ночи, которую я слышала миллион раз перед сном от папы.

Он протянул мне недопитый бокал и отвёл взгляд. Голос Лейфа казался глухим, будто его глотку наполнил вязкий дым.

— Здесь, за снегом, есть другой край. Не страна, не царство, а словно отражение в ледяном зеркале. Там всегда царит ночь. Сияние не гаснет никогда, а вместо солнца бледный глаз луны, застрявший в ветвях чёрных елей.

Лейф присел и накиннул на свои колени тёплый клетчатый плед. Его узловатые, как корни пальцы, сжали подлокотники.

— Между соснами ходят олени, только не такие, как у нас. У тех рога, из сплетённых костей, а копыта не оставляют следов на снегу. Они стерегут границу, чтобы никто оттуда не вышел. И чтобы никто сюда не забрел по ошибке.

Я перевела взгляд на окно, заметив, как за стеклом клубиться метель, будто кто-то огромный дул на снежное одеяло, заставляя снег кружиться по спирали.

— Иногда плёнка ловит то, что не должно быть поймано, — Лейф отхлебнул из своей чашки и внимательно посмотрел на меня. — Она помнит старые тени. Ты снимала сияние, но плёнка увидела тех, кто живёт в том мире. Они любят смотреть. Иногда звать за собой.

Лейф замолчал, когда в трубе завыл ветер. Казалось, что это вой раненного зверя в агонии, а не беспощадная природа, вопит за окном.

— Если ты приехала за легендой, то знаешь про невест, принадлежавших Владыке зимы, — он бросил быстрый взгляд на мою ладонь с пятью крошечными порезами. — Окропив снег своей кровью, ты дала им право на выбор и теперь не сможешь убежать, куда бы ни пошла. Как бы далеко не уехала, они найдут. Так же, как нашли шесть невест, которые пропали в густой снежной метели.

В голове что-то щёлкнуло. Я вспомнила момент, когда работал затвор. Ветер на мгновение смолк. Стало тихо так, будто весь мир затаился, а где-то за спиной, в крошечной тьме, раздался тихий печальный вздох. То был ни ветер. Ни скрип снега под ботинками, а чей-то вздох. Теперь, увидев снимки, я поняла, что бы это ни было, оно действительно там.

Покачивая головой, пыталась сопоставить легенду, за которой охотились сотни фотографов с тем, что произошло, и не могла найти разумное объяснение. В голове всё путалось. Мысли плыли слишком быстро, против течения, образуя крошечный хаос, в который я погружалась всё глубже, с каждой минутой, проведённой в этом доме.

Тяжело вздохнув, Лейф поднялся и тихо промолвил:

— Ложись спать.

Кивнув, я поднялась на второй этаж, заняв маленькую комнату слева. Односпальная кровать, застеленная толстым одеялом, тумба и старый комод. Больше в неё ничего бы не поместилось. Моя походная сумка лежала на комод. Открыв её, переоделась и залезла под одеяло. Отодвинув в сторону шторы, наблюдала за тёмным небом, на котором всё ещё играли лёгкие всполохи сияния. Вот почему важно присутствовать с самого начала, чтобы поймать тот момент, когда радуга максимально ярко разукрасит небо.

Медленно, глаза начали закрываться, а мысли затягиваться тугим клубком. За окном густела метель, набирая силу и в ней присутствовал не только снег. Нечто двигалось там внутри, медленно, в такт моему дыханию.

Не знаю, спала ли я или просто прикрыла глаза, чувствуя себя на грани разлома с реальностью. Уже очень долгое время меня не отпускала тревога. Осознанные сны, я знала о них очень многое, но не понимала, как снова вернуться в нормальное состояние и выспаться ночью. Я видела размытые образы, чувствовала холод, который неизменно преследовал меня, но не могла отогреться.

Утром метель забила окна плотной белоснежной пеленой. Теперь вся деревня свелась к четырем стенам, треску дров в печи и гулу ветра, в котором слышался чужой шёпот.

Одевшись, спустилась увидев на кухне нетронутый завтрак: ржаной хлеб, масло и варенье из морошки. Кофе в кружке остыл, будто его налили много часов назад.

— Лейф? — позвала я, зябко поежившись.

Никакого ответа. Поднявшись на чердак, обнаружила пропажу. Снимков не было. Остался только один, с моим силуэтом. На дне ванночки с химикатами, помутневшими за ночь, разглядела отпечаток пальца. Он был слишком длинным, с острыми, как шипы ногтями.

Спустившись, обследовала весь дом, но так и не нашла следы пребывания Лейфа. Он будто ушёл, но куда? И зачем?

Толкнув дверь в подвал, я заметила узкие ступени, ведущие вниз, в сырую тьму. Взяв фонарик, включила его и когда сделала первый шаг, увидела на дереве следы копыт.

Держась рукой за шершавую стену, медленно спустилась. Тьма рассеялась, когда я направила фонарь вдоль правой стены. Свет выхватил из мрака полки с банками, на которых стояло солёное мясо, коренья, травы и варенье. А вокруг висели десятки фотографий, приколотых к стене. На одной виднелся лес, где между деревьев зияла чернота. На другой, замёрзшее озеро. Подо льдом застыл силуэт, похожий на оленя, с огромными рогами и ледяными глазами.

Последний снимок оказался свежим, на нём стояла я. На ледяном заснеженном плато виднелась дверь. Высокая, из чёрного дерева, с узором из сплетённых оленьих рогов. Присмотревшись, я заметила, что дверь приоткрыта и сквозь ту щель была протянута рука.

Открепив снимок от стены, я взяла его с собой и вернулась вверх. Ветер снаружи стих. Из трубы больше не раздавался заунывный свист. Поставив фонарик на место, услышала скрип наверху. На чердаке. Кто-то медленно шагал по полу в такт моему сердцу.

— Лейф? — снова окликнула, но никто не отозвался.

Шаги затихли, потому я быстрее побежала по ступеням. Лейф стоял посреди маленькой комнаты и на миг показалось, что его глаза наполнились сиянием. Моргнув, я поняла — это было лишь моё воображение.

— Что случилось? Где вы были?

— Тебе нужно уезжать, — это всё, что он сказал. После чего развернулся и ушёл, оставив меня одну.

В тот вечер над плато снова вспыхнуло северное сияние. Оно было ядовитым и живым. Те, кто осмеливался смотреть на него, замечали, как в волнах мелькают силуэты. Высокие, костяные фигуры с рогами. Они смотрели на людей и пытались запечатлеть их образ в своих глазах.

Глава вторая. Выставка в Осло

Атмосфера в зале была густой, как старое вино: приторное, вязкое и слегка горьковатое. Воздух вибрировал от низкого гула приглушённых голосов, звона хрустальных фужеров и шелеста шёлка. Всё здесь было проявлением безупречного, отполированного до блеска богатства, начиная от геометрических складок на платьях дам, до холодного блеска часов на запястьях, отсчитывающих время, ценность которого все понимали слишком хорошо.

Взгляды гостей скользили по лицам друг друга, но неизменно возвращались к стенам. Мне всегда было любопытно наблюдать за тем, как люди оценивают фотографии. Ведь на тех стенах висели мои снимки северного сияния. Перешёптывания, разговоры, желание прикоснуться рукой к полотну, вот что интриговало. И сегодня я наблюдала такую картину не раз. Люди протягивали руку, пытались коснуться того мистического и волшебного мира, хотя сами были не готовы к суровой реальности холода.

Северное сияние, застывшее в рамках из чёрного базальта, было единственной дерзостью. Единственной неподконтрольной силой. Оно не вписывалось в эту геометрию из стекла, стали и улыбок. Оно жило. Дышало. Пульсировало и каждый чувствовал всеобъемлющую силу природы.

На снимке «Дыхание Ночи» малахитовые сполохи клубились, как ядовитый туман над фьордом, затягивая взгляд в глубину. На другом «Танец Хель» кроваво-багровые струи рвали сиреневый небесный шёлк, напоминая о какой-то древней, нечеловеческой ярости.

Разговоры текли вокруг, как вода.

— Поразительная игра света, дорогой. Чувствуется почти... физически. Как будто от снимков исходит холод, — произнесла дама в платье цвета платины, едва касаясь локтем своего спутника. Её голос был сладок, но в глазах застыл острый, аналитический блеск коллекционера, оценивающего новый актив.

— Скандально дорого, — небрежно обмолвился другой мужчина, делая глоток шампанского, пузырьки которого взлетели, как микроскопические звёзды. — Но в этом и заключён гений. Они продают не снимок, а саму идею того, что у природы есть душа. И для каждого она открывается по-своему.

Его собеседница, хрупкая блондинка с лицом фарфоровой куклы, задумчиво провела пальцем по контуру стекла, не касаясь снимка.

— Мне кажется, или вот здесь угадывается силуэт? — её шёпот был еле слышен, но полон настоящего трепета.

Именно такие нотки в голосах и были главной музыкой вечера. Под слоем гламура и коммерческих расчётов пробивалось смутное узнавание. Люди, привыкшие покупать всё, инстинктивно чувствовали, что это купить нельзя. Можно приобрести бумагу и краску, но не ту первобытную тишину, тот ледяной ужас и восторг, что струился из каждой фотографии. Снимки были не украшением, а окном. И сквозь них в этот стерильный рай медленно просачивался иной, дикий воздух, пахнувший озоном после бури, ледяным воем метели и холодом.

Ко мне подошёл пожилой коллекционер. Его глаза, будто отшлифованные годами оценок, пристально изучали не полотно, а меня.

— Арвид, приятно познакомиться, — я хотела представиться, но он перебил. — Вы Аврора. Я знаю.

Не понимаю, польстило ли мне подобное отношение или разозлило, но я не позволила сумбуру негодования разрастись смертельным вихрем внутри.

— Вы ведь там были. Стояли внутри этого смертельного холода. Скажите честно... — он наклонился ближе, и его дорогой парфюм не смог перебить запах снега, гонимого ветром с вершин. — Оно смотрело на вас в ответ?

В тот миг на другом конце зала кто-то тихо засмеялся. Тот пронизывающий звук рассыпался хрустальной россыпью веселья. Но в моих ушах на мгновение отозвалось иное видение: далёкий, ледяной шепот, которого не могло здесь быть. И я поняла, выставка удалась не тогда, когда пришёл первый чек, а сейчас. Когда самое циничное общество в мире замерло, заворожённое видением той бездны, где правили иные законы. Где холод — это объятие, а тишина самый громкий из голосов.

— Именно это вы чувствуете, когда смотрите на снимки северного сияния? — любопытство распирало меня с неистовой силой. Хотелось понять, что испытывает человек, который не охотился несколько часов во льдах за шедеврами природы. — Будто северное сияние наблюдает за вами?

Он обернулся к снимкам и внимательно осмотрел каждую фотографию. Если бы не я распечатывала в проявочной все эти картины, то подумала, что их нарисовал художник. Краски идеально легли на полотно. Каждый снимок, словно взломал эту реальность, став чёрной дырой в ткани мироздания, затягивая взгляд в бездонную геометрию иного мира. Словно не камера запечатлела те моменты, а тот, кто понимал язык линий и цвета, недоступный обычным смертным.

— Сияние на ваших снимках будто строится. Резкие, почти архитектурные линии ультрамарина и фиалки, рассекают небосвод, будто лезвия, — задумчиво ответил Арвид. — Они пересекаются под невозможными углами, образуя замысловатые решетки из хрусталя и фрактальные лабиринты.

— Хотите сказать мои снимки способны загипнотизировать? — удивленно спросила я.

Цвета имели чёткие грани, как у драгоценных камней. Там, где синий сталкивался с зелёным, рождалась безжалостная трещина света. Природа являла безупречный, холодный интеллект, текучей колыбели жизни.

— Определённо да. Ведь в каждом снимке виднеется уникальная природа. «Хорал теней», — вскинул он руку указывая на северную стену. — Похож на застывшую музыку. Я

будто вижу те длинные, тягучие мазки, которые тянутся через камеру, застывают в кадре, как струны невидимой арфы. Каждая из них имеет объём, бархатистую глубину и сквозь ту толщу угадывается прозрачный силуэт горного массива.

Его глубокое объяснение тронуло ту маленькую часть моей души, которая ещё теплилась светом. Всё остальное уже давно покрыла холодная, безжалостная вьюга. И я привыкла ко льду, что царил внутри. Иногда, казалось, я и была тем самым неуловимым сиянием, спрятанным в вечных зимних льдах.

— Мой ответ да, — выдохнула еле слышно. Арвид повернулся и приподнял брови, явно потеряв нить нашего разговора. — Ваш вопрос. Ответ да. Я ощущала туманный взгляд сквозь всполохи сияния.

В самый разгар вечера, когда гости, уже одурманенные шампанским и восторгом, погрузились в более оживлённые дискуссии, ко мне подошёл мужчина.

Одет он был безукоризненно, впрочем, как и все присутствующие, но с каким-то налётом небрежности. В руках держал блокнот с ручкой, но был без камеры. «Том Ларсен, Nordic Arts Review», — было написано на прикреплённом к карману бейджике. Встретив его взгляд, я заметила обычную профессиональную улыбку, но в уголках глаз скользили острые вопросы, которые он намеревался задать.

— Ваши работы, не просто фиксация явления. В них есть личный нарратив, — начал он, делая паузу, чтобы оценить мою реакцию. — Почти исповедальный. Особенно в контексте вашей истории.

В тот миг, когда он подошёл, я поняла, это не светская беседа, как было с Арвидом. Это экзекуция, к которой Том Ларсен отлично подготовился. Под моим идеальным чёрным платьем, по спине пробежала холодная дрожь.

— Истории? — голос прозвучал ровно, как лёд на озере, но я уловила в нём микроскопическую трещину.

— Ваши работы полны одиночества. Это осознанный выбор?

— Нет, — остро уколола я. — Это диагноз.

— А что вдохновляет вас?

Понимая, что он не оценит и доли тех чувств, которые я испытываю, выходя на охоту за северным сиянием, ответила иначе.

— Я снимаю природу, Том Ларсен. А природа безлика.

— Возможно. Но фотограф — нет, — он подошёл ближе, понизив голос до конфиденциального тона, который был хуже любого крика. — Мои коллеги из архива проделали большую работу. Ваш отец тоже был фотографом-натуралистом, а мать геологом. Вы потеряли сразу обоих родителей в ужасной лавине снега в Мурманске. Это вдохновило вас стать охотницей за северным сиянием?

Воздух вокруг нас сгустился. Напряжение витало вокруг, но я не показывала своих эмоций. Я глыба льда, та, что может треснуть, но не сломаться. Звон бокалов, смех людей, всё отступило на второй план. Я смотрела на блокнот Тома Ларсена, он сжимал его в нетерпении записать все откровенные ответы. И, как правило, исказить большинство из них.

— Не касайтесь моей семьи, — слова прозвучали тихо, но с такой силой, что улыбка на лице журналиста дрогнула.

— Я не пытаюсь причинить вам боль. Я хочу понять. Ваш отец умер в экспедиции, когда отправился в Мурманск. Возможно ли что вы тоже одержимы феноменом поймать в объектив своей камеры пульсирующее сердце Авроры Бореалис? Ваши снимки — это поиск. Или может даже обещание? — он наклонился ближе. — Что вы надеетесь там увидеть? Его призрак?

В тот миг, когда Том Ларсен произнёс свой заключительный вопрос, лёд внутри меня взорвался.

— Думаете, вы первый, кто копается в тех архивах? — голос звучал низко и опасно. Я больше не пыталась его контролировать. Злость поднималась внутри, жгучая и ясная, как спирт. — Думаете, ваши дешёвые намёки могут объяснить хоть что-то? Вы видите, на этих стенах «поиск»?

Я нагло шагнула к нему, нарушая личные границы, и заставляя журналиста отступить к одной из фотографий, той, где сияние напоминало зубчатую пасть.

— Это не крик в пустоту, Том Ларсен, а ответ. Тот, которого вы так боитесь. Ночами ворочаетесь в своих безопасных кроватях, потому что инстинкт подсказывает: мир не ограничивается тем, что можно потрогать и описать в вашей газете. Вы спрашиваете про мать? Про отца? Ищите. Копайтесь в бумагах, а я буду смотреть туда, — моя рука резко, почти яростно рванула в сторону гигантского отпечатка, где свет был похож на застывший крик. — Где кончаются ваши архивы и начинается правда. Поверьте, она не для блокнотов. Она сжигает душу. И память.

В его глазах промелькнул испуг. За ним появился лихорадочный блеск. Он готов был записать каждое слово, что так легко вырвал из меня, закидав своими вопросами. Единственная тема, которую я никогда не обсуждала и не упоминала, мои родители. Это моя ахиллесова пята и я с такой лёгкостью позволила этому надутому болвану вызвать мои эмоции.

Резко выдохнув, отступила в сторону. Злость яркая и ослепляющая, медленно осела внутри, оставляя пустоту и горечь. Поставив бокал шампанского на поднос проходящего мимо официанта, злобно посмотрела на Тома Ларсена.

— На этом наше общение закончено. И если в вашей статье появится хоть намёк на мои ответы, вы поймёте, что значит иметь дело не с той темой для репортажа.

Развернувшись, я ушла, оставив его созерцать мои фотографии. Я надеялась, в той атмосфере под пристальным взглядом ледяных яростных сияний он ощутит себя — ничтожно маленьким, а свои вопросы невероятно бестактными. Том Ларсен искал скандальную историю о боли, а в итоге столкнулся с гораздо большим — тишиной, которая только что говорила с ним голосом ледяной бури.

Мне потребовалось несколько долгих минут, чтобы прийти в себя и вернуться в зал. Каждый гость хотел поговорить о снимках, выразить своё восхищение или же раскритиковать мои труды. Все те слова лились через меня. Я не запомнила ни одного лица. И только стоя у фотографии «Предел Холода» осознала, насколько разрушительна может быть ярость, если противник знает нужные болевые точки.

Этот кадр получился почти целиком чёрно-белым, за исключением нескольких штрихов. Сияние здесь казалось рельефным. Оно выглядело, как гигантская ледяная стена, вздыбленная тектоническим сдвигом плит. Холодные глыбы света, выстроенные в хаотичном порядке, отбрасывали идеально чёрные колющие тени. И лишь в самой глубине тлел единственный отблеск цвета, тусклое умирающее золото, словно последний уголёк в пепле. Этот снимок завораживал и подавлял. Напоминал, что за всей той красотой, стоит абсолютный гнев природы.

Усталость навалилась на меня внезапно, как лавина. Я ощущала себя безмолвным снеговиком, закутанным плотным коконом снега.

— Это красота заката, которую невозможно приручить взглядом, — тихо сказал Леон, мой неизменный спутник в погоне за сиянием. — Это красота формулы, столь же совершенная и бездушная, как уравнение.

Я улыбнулась, измученная и предельно уставшая. Леон прижал меня к себе и повёл через зал. Так он делал всегда, когда заканчивалась выставка. Именно это шествие, когда гостей уже не осталось и нас окружала тишина, а со стен взирали пугающе-завораживающие снимки, была для него апогеем всей выставки.

— Каждый, кто сегодня присутствовал здесь, почувствовал себя не зрителем, а исследуемым объектом.

Я была с ним согласна. Казалось, каждая фотография наблюдала за залом холодным, аналитическим взглядом, фиксируя мельчайшие оттенки нашего восхищения, страха и непонимания. Они словно ждали, когда кто-нибудь осмелится сделать шаг вглубь той ледяной геометрии, откуда невозможно вернуться.

— Ты как всегда весьма красноречив, — прошептала я.

— Прости, что не успел.

— Ты не должен, — понимая, что Леон имеет ввиду бестактный допрос журналиста, ответила я.

— Но я чувствую свою вину, Ари. Вижу отголоски боли в твоих глазах и не могу никак повлиять на это. Повернуть время вспять и спасти тебя от этого монстра.

Тихо рассмеявшись, я позволила Леону толкнуть дверь и вывести нас на свежий ночной воздух.

— Ты ведь знаешь, что не мой рыцарь, правда?

— Я знаю, ты ищешь ледяного принца, который будет недоступен, как крепость. И даже твоя очаровательная улыбка не сможет разбить ту холодную броню, — шутливо ответил Леон. — А вот и наше такси.

Мёртвые девушки не дрожат. Это первое, что я поняла, когда оказалась в кромешной тьме.

— Ты проснёшься, когда он захочет, — в тот же миг мягко шепнул ветер.

Я открыла глаза и сразу поняла, что сплю, ведь в реальности не бывает такого холода. Ледяные иглы впились в кожу. Тело было скованно настолько всепоглощающим холодом, что даже лёгкие кристаллизировались при каждом вдохе. Я лежала на чём-то твёрдом и гладком, не снег, не земля. Гробовой лёд.

Снег кружил в бешеном танце, а где-то в чёрной вышине переливалось северное сияние, словно кто-то разорвал небо и сквозь ту рану сочился свет.

Кровь в моих жилах застыла, но сердце... сердце билось, словно его сжали в ледяном кулаке. Надо мной плясали мёртвые огни северного сияния, которое выглядело больным. Фиолетовые прожилки пульсировали в чёрном небе, как вены в глазах умирающего.

— Где я? — потрескавшимися от холода губами шепнула, но в ответ услышала только вой метели.

Всполохи сияли ярко, но в них будто не хватало красок. Из снежной пелены вышли олени, но не те, которых я привыкла видеть в ледяной пустоши городов. Эти были большими, с рогами, напоминающими ледяные кинжалы, а в глазах горели чужие звёзды.

— Аврора, — голос пришёл изнутри меня. — Ты проснулась.

Я попыталась подняться, когда осознала, что ладони прилипли ко льду. Отдёрнув руки, услышала влажный хруст. Поднявшись, посмотрела вниз, заметив на земле кровавые следы. Боли не было, только странное оцепенение, медленно поднимающееся по рукам.

Я осознавала, что это сон, но почему всё казалось настолько реальным, будто это тот мир, в котором я живу? Я чувствовала эмоции: страх бродил по крови, как будто я выпила слишком много шампанского. Пытаясь проснуться, ощутила тот самый укол ледяного страха, когда из тьмы выступил высокий силуэт.

— Кто вы? — прохрипела скованно. — Где я?

Тени медленно расступились, будто после сильной бури, оседая на землю. Я вглядывалась в тот силуэт, пока не поняла, что смотрю на мужское лицо. Оно было прекрасно и ужасно одновременно, будто высечено из чёрного льда. Глаза голубые, как самые чистые ледники в Арктике. Позади мерцал плащ, сотканный из морозного тумана.

— Аврора, — произнёс он моё имя, и его дыхание превратилось в кристаллы, зависшие в воздухе. Голос пришёл со всех сторон сразу, своеобразной вибрацией, заставляющей зубы ныть от холода. — Ты наконец вернулась.

Я хотела спросить: «Куда? Когда? Почему?», но язык примёрз к нёбу.

Мужчина подошёл ближе и протянул руку. Его пальцы сжали моё запястье, и кожа от того прикосновения покрылась инеем.

— Семь веков я ждал. Семь веков твоя душа блуждала во тьме, — его губы, синие от холода, почти коснулись моих. — Но теперь ты снова моя.

Когда его поцелуй коснулся моих губ, я вспомнила.

Первую смерть.

Первую боль.

Первое предательство.

Звон будильника, такой далекий и надрывный, прорвался сквозь полотно реальности. Открыв глаза, поняла, что лежу в своей кровати накрывшись одеялом и дрожу от холода. Ноги ледяные, зубы стучат, а на руке в том месте, где меня коснулся ледяной владыка тьмы, был ожог.

Пришлось принять долгий горячий душ, прежде чем я смогла спокойно вдохнуть. Выйдя из ванной, присела за столик, на котором уже стояла дымящаяся чашка кофе и лежала утренняя газета. Конечно, вышла новая статья от Тома Ларсена.

На главной странице моя фотография, и, должна признаться, довольно ужасная. Я стояла в пол оборота и внимательно наблюдала за людьми, которые оценивали снимки северного сияния.

«Призраки в объективе. Искусство, как невроз».

Том Ларсен, Nordic Arts Review

«Вчера вечером в Осло состоялось событие, которое светская хроника поспешила назвать „триумфальным возвращением“. Фотограф, Аврора Бореалис, представила серию работ „Неистовый Покой“, снимки северного сияния, которые уже окрестили „гипнотическими“ и „глубинными“. И они действительно гипнотизируют. Но вопрос в том, чем именно. Искусством или откровенной демонстрацией незаживающей психической раны?»

За каждым гением стоит его демон. За Авророй Бореалис их целых два.

Её отец, талантливый фотограф Георг Бореалис, вместе с женой Элис и их дочерью Авророй отправились в экспедицию. Апатиты, весьма специфический и грозный город. Его непредсказуемая природа льда не напугала молодую семью, ведь там открывалось поистине невероятное зрелище, называемое „сердцем полярной ночи“, которую ещё никому не удалось заснять на камеру. Семейная охота за северным сиянием оставила шестнадцатилетнюю Аврору сиротой.

Но что делает девочка, оставшаяся одна? Она не отворачивается от места, которое забрало её родителей. Напротив, одержимо возвращается к нему. Не с цветами на могилу, а с камерой. Её биография — это маршрут по всем точкам, где можно поймать северное сияние. На её официальном сайте нет ни слова о семье, только лёд, небо и этот зловещий, пульсирующий свет.

И вот мы видим плоды той одержимости на стенах престижной галереи. Да, технически безупречно. Да, цвета завораживают. Но присмотритесь повнимательнее к этим снимкам. Разве это пейзажи? Нет. Это портреты внутреннего состояния. На снимке „Хорал Теней“ кровавые прожилки света, похожи на разрывы на холсте неба или на душе самой Авроры? А в „Анатомии сияния“ центральная воронка света слепа и ненасытна. Она напоминает незаживающую рану, зияющую пустотой утраты.

После выставки, Аврора Бореалис любезно согласилась на краткую беседу. На вопрос о связи её искусства с личной трагедией, онаотреагировала вспыхивкой неоправданной агрессии.

„Не касайтесь моей семьи“, — прошипела Аврора Бореалис.

Её обычно спокойное лицо исказила гримаса настоящей ярости. Когда же я осторожно намекнул на возможный „поиск“ или даже надежду на „общение“ через эти аномалии в небе, реакция была истеричной. Аврора начала говорить о каких-то „ответах“, которые она получила, и „правде“, что сжигает душу.

Звучит романтично? Или как симптом похожий на шизофрению?

Мы привыкли, что искусство рождается из боли, но есть тонкая грань между сублимацией и фиксацией на травме. Аврора Бореалис, как загипнотизированная, смотрит в ту самую бездну, что поглотила её мать, с наивной и пугающей верой в то, что бездна может ей ответить. Она проецирует свою невысказанную боль, гнев и, будем откровенны, детскую надежду на чудо, на холодную плазму атмосферных явлений.

Её работы покупают за десятки тысяч долларов. Их называют „провокационными“ и „глубокими“. Но давайте называть вещи своими именами. Перед нами дорогостоящая, красиво оформленная арт-терапия. Трагедия, упакованная в багет из чёрного дерева и проданная с аукциона, как экзистенциальное высказывание.

Талант? Несомненно. Но какой ценой? И когда эта молодая женщина наконец снимет „последний кадр“, который даст ей иллюзию ответа от призраков прошлого? Что будет с ней, если этого ответа не последует?

Её искусство кричит о потере. Жаль, что его слышат только кошельки коллекционеров, а не психотерапевты».

Дочитав ту биографию, показалось, не я была её главной героиней. Будто не мою жизнь описали и выставили на всеобщее обозрение. Та ядовитая статья, построенная на полуправде, жалила куда сильнее откровенной правды. От злости я сжала в руках газету, а после порвала на мелкие клочки, но этого мало было. Выйдя на балкон, я сожгла бумагу и смотрела, как огонь пожирает чёрные буквы.

Глубокая, язвящая обида плескалась внутри, как нарастающая буря. Чувство предательства, обуяло изнутри. Мою боль вывернули наизнанку, назвав шизофренией, а искренний поиск — истерикой, и выставили на всеобщее обозрение только для того, чтобы побить тиражи и получить прибыль.

Несомненно, та спекулятивная статья оттолкнет некоторых ценителей моего таланта. Других же привлечёт, ведь скандал всегда подогревает интерес публики. Кто-то начнёт видеть в моих работах именно то, о чём так красноречиво написал Том Ларсен — убитую горем девушку, отчаянно желающую найти призрак своих родителей.

Глава третья. Химия тьмы

За окном моей квартиры в Осло медленно гасли огни ночного города, поглощаемые туманной дымкой. В обычные безоблачные дни в фьорде виднелась карта неба. Маленькие созвездия и луна, что сияла ярче солнца.

Внутри царил стерильный порядок, нарушаемый лишь одним островком творческого хаоса, широким столом, заваленным снимками северного сияния. Как одна из охотников за «сердцем полярной ночи» я побывала во многих странах, но так и не смогла поймать нужный кадр. Радовало то, что и другим это было не под силу. Я стояла перед пробковой доской и прикалывала на неё фотографии. На левой руке, от запястья до локтя протянулась линия из седых шрамов — это память о падении в ледовую трещину в Гренландии, три года назад.

Пёстрое разнообразие цветов северного сияния, будто неоновая вывеска, били по глазам. Десять снимков и на каждом было слишком много зелёного. Зелёный — это тоска. Почему они тосковали? По теплу? По людям, которые забредали в те края крайне редко? Или же тоскую я, а эти фотографии, просто зеркало?

Я прищурилась, отступая на шаг назад. На одном из снимков в левом нижнем углу, уловила едва заметную аномалию или то был световой блик. Открепив фотографию, подошла к столу, включила лампу с увеличительным стеклом и присмотрелась. Та тень напоминала очертания разветвлённых рогов. Даже для самого старого самца-олени они казались огромными. Реальность ли это или дефект плёнки? А может просто галлюцинация?

После той откровенно-выдуманной статьи Тома Ларсена я не спала несколько ночей, вглядываясь в снимки северного сияния, сделанные в Норвегии. Думала о тех сказках, которые так много раз рассказывал папа и не могла найти ответ. Да, я объездила много городов, но вот куда не могла вернуться — это Апатиты. Место, в котором потеряла своих родителей. И каждый раз, когда слышала о местонахождении других фотографов, именно там, замирала, ведь поймать снимок «сердца полярной ночи» можно было именно в Апатитах.

Чем больше всматривалась в то мнимое отражение, тем глубже погружалась в транс. Будто эти снимки могли загипнотизировать и ошеломить своей откровенно-кровавой тайной.

Зазвонил телефон, но я не сразу услышала его тихую трель. Вынырнув из омута прошлого, бросила взгляд на экран и тихо вздохнула. Галерист Йёрген, устраивал для меня самые масштабные выставки.

Его приветствие грубоватое и спокойное, пробудило во мне чувство вины.

— Ари, привет. Ты посмотрела контракт от шведов? Телефонный гигант хочет серию «Холод и технологии» для своего нового офиса. Хорошие деньги без риска для жизни.

Я провела рукой по лицу, чувствуя знакомую тяжесть в висках. Без риска для жизни? Серьёзно? Тогда в чём вся суть охоты? Йёрген прекрасно понимал, что, отправляясь на очередную вылазку за фотографиями, я могла не вернуться.

— Йёрген, я ещё не готова, — взгляд вновь вернулся к тем гипнотическим снимкам, в которых было так много зелёного. — У меня проект.

Тишина, как тонкая паутинка, протянулась между нами. Я буквально чувствовала, о чём думает Йёрген.

— Проект, который не продаётся, — мягко упрекнул он. — Я верю в тебя, но вера не оплачивает аренду лаборатории. И твои поездки. Что происходит? После выставки в Осло ты, как в воду опущенная.

О том, что он, без сомнения, читал статью Тома Ларсена, не было и речи. Йёрген прекрасно понимал мои чувства, но как истинный ценитель искусства просто не обращал внимания на чужие судьбы. В общих чертах Йёрген знал мою историю, но никогда не пытался выведать детали.

— Я устала и у меня мигрень.

— Мигрень лечат таблетками, а не риском замёрзнуть в какой-нибудь дыре на краю света, — в его голос примешалась нотка горечи. — Может, не надо тревожить прошлое?

В голове пронеслась шальная мысль и я была согласна с Йёргеном. Не надо. Но те духи уже давно тревожили меня. Каждую ночь. И каждый день. Зов не в Апатитах, он во мне.

— Это не духи, Йёрген, а незаконченное дело.

— Семейное? — в голосе прозвучала редкая для него осторожность.

— Да, — тихо выдохнула, крепко сжимая пальцы вокруг телефона. — В каком-то смысле.

— И всё же я настаиваю, чтобы ты ознакомилась с предложением шведов. Это не просто слова и цифры, Ари. Это хорошее будущее, а...

Он резко осёкся, явно понимая, что сболтнул лишнего. Сжав зубы, я тихо прорычала в трубку:

— А не что?

Секунда, вот сколько понадобилось Йёргену, чтобы переступить рубеж и выдать правду. Я ненавидела его за это и ценила. Ведь правда и доверие — две вещи, которых очень сложно добиться.

— А не рыскать, как сумасбродная девица в поисках прошлого. Ты будто пытаешься вернуться назад, но вот вопрос: что ты сделаешь, если получится? Встанешь на место своих родителей?

Я открыла рот, но знала, мне нечего ответить на провокационный вопрос Йёргена.

— Подумай об этом и прочти предложение от шведов.

Надрывные гудки ещё долго пульсировали в голове, пока я не отложила телефон. В квартире было тепло, но я его не чувствовала. Налив в чашку кипятка, укуталась в тёплый плед и села в кресло напротив панорамного окна. Как бы крепко ни сжимала кружку в руках, тепло не проникало внутрь. Оно оставалось на поверхности кожи, как нечто чужеродное.

Такое ощущение, будто я медленно превращалась в проводник. Тепло проходило сквозь меня, не задерживаясь внутри. Тогда возникал вполне логичный вопрос, куда оно уходит? В тот реальный сон?

Закрыв глаза, откинулась на спинку, чувствуя, как внутри всё леденеет. Прямо противоположный эффект, чем теплее я куталась и пила горячего чая, тем глубже в меня проникал арктический холод полярной ночи.

Сидя в ресторане, я держала в руках открытку от Лики, которую она прислала с Камчатки:

«Здесь повсюду дыры в земле, из которых валит пар, как будто предвещающая пробуждение самого злобного монстра из сказок — Дракона. Жду тебя с камерой. Хватит уже смотреть на холодный свет, давай на горячий!»

Я улыбнулась, но та улыбка не дошла до глаз. Не коснулась моей замерзающей души. Горячий свет...

Здесь, среди людей, я чувствовала себя инопланетянкой. Всё казалось слишком радостным, тёплым и миролюбивым. В то время как внутри я чувствовала себя опустошённой.

— Вот она моя прекрасная ледяная королева, — просияла Лика, обнимая меня.

Вернувшись с экспедиции, она излучала ту самую энергию вулкана. Щёки горели румянцем, глаза сияли, а с губ не сходила радостная улыбка. Лика всегда была моей противоположностью. Я, как холодный айсберг, отчуждённая и потерянная. А она, как само солнце, яркая и непринуждённая.

— ...и этот чудак-вулканолог всё пытался засунуть датчик прямо в лавовый поток. Я ему: «Джон, он расплавится через три секунды!», а он: «Но это будут самые ценные три секунды в моей жизни!», — её жесты были широкими, а смех таким заразительным, что я невольно улыбнулась. — Сумасшедшие, все мы сумасшедшие!

Я кивала, механически ковыряя вилкой тартар из тунца. Вкус еды... я забыла, что это такое. Так же, как забыла, каково испытывать счастье от погони за своей мечтой. Только в те моменты, когда в одиночку выходила на охоту за северным сиянием, всё казалось реальным. Мои чувства, когда замирала в предвкушении. Холод, что пробирался внутрь и не обжигал. А здесь, в этом переполненном ресторане, всё было наигранным. Очередная постановка в реалиях моей жизни.

— А ты, что такая тихая? — наконец, спросила Лика, пристально глядя на меня. — Похоже, тебя не столько северное сияние мотает по миру, сколько твои собственные мысли. Говори.

Пожав плечами, я бросила свой недоеденный ужин.

— Не знаю, о чём говорить. Всё, как всегда.

Лика не пропустила ни единой эмоции. Сощуриив глаза, она склонилась ближе.

— Врёшь. У тебя круги под глазами в пол-лица. И ты мёрзнешь. В июле, — нахмурившись выдала резко Лика. — Что врач сказал?

— Врачи говорят стресс. Прописывают витамины и сон.

— А ты не спишь.

Это была констатация очевидного факта, потому я не стала отвечать. Опустила глаза, разглядывая свои руки с синими венами. Лика потянулась через стол и побарабанила пальцами, привлекая моё внимание.

— Дай мне руку.

Протянув ладони, я понимала, что сейчас произойдёт, но тянуться к свету, который излучала Лика, было так хорошо. Контраст температур нашей кожи шокировал. Её была сухой, тёплой и живой, в то время как моя веяла ледяным холодом.

— Слушай, — тихо сказала Лика. — Мы с тобой обе лезем в жерла, в буквальном и переносном смысле. Но есть разница между риском и саморазрушением. Твоё дело — свет. Свет даёт тепло. А ты выглядишь так, будто вся твоя внутренняя печка погасла.

Возможно, она права? Или, быть может, моё пламя стало другим? Холодным. Синим, как в горелке Бунзена¹. Моё тепло не грело, оно испепеляло дотла.

— Может, тебе сделать перерыв, поехать со мной в Исландию? Гейзеры, горячие источники... — с горящими в предвкушении глазами, начала Лика. — Оттаять.

Я улыбнулась через силу, потому что не хотела тревожить подругу.

— Мне нужно сделать серию снимков для шведов, — на ходу выпалила я, хотя даже не взглянула на то предложение, о котором так настойчиво говорил Йёрген. — Поэтому придётся отложить солнечную поездку к жерлу вулкана.

Мы смотрели друг другу в глаза, и я чувствовала, Лика не верит. Она мгновенно распознала мою ложь. Печально качнула головой и отстранилась, забрав с собой всё тепло. Казалось, на несколько долгих мгновений я ощутила жар её кожи на своих ладонях, но этого было недостаточно.

— Ари, они не вернутся, — тихим голосом сказала Лика, прикрыв глаза. — Ты не можешь сфотографировать призрака. Ты можешь поймать только свою тоску по ним и это уже не научная фотография. Это что-то другое.

«Что-то другое». Те слова повисли в воздухе. Именно это «другое» и заполнило сейчас мою жизнь, сны и тело.

— Мне пора, — поднявшись, выдавила я, чувствуя, как в горле застрял ком. — Спасибо за ужин.

На улице гулял лёгкий ветерок, но для меня он ощущался как ледяной пар. Будто не лето царило, а грубая зима. Закутавшись в тонкую куртку, я понимала, что холод идёт не снаружи, он исходил изнутри.

Меня одолевало одиночество, но не то, от которого тоскуют. Моё было другим, огромным, космических масштабов. Как будто я единственный человек на незнакомой планете, а все остальные лишь проекции, милые, но чужие голограммы. Только во сне... только там я не одна. И это самое страшное.

Вернувшись домой, включила кондиционер на тридцать градусов, задёрнула шторы и открыла ноутбук. Пролистав десятки сообщений с предложениями, нашла то, о котором говорил Йёрген и открыла файл.

Микаэль Линдстрём — мультимиллионер, который открывает очередей офис в центре Осло. Он хочет оформить его в стиле непокорной, ужасной природы «Холод и технологии».

¹ Горелка Бунзена — лабораторная газовая горелка (с атмосферным воздухом), созданная немецким химиком Робертом Бунзеном. Впервые описана в публикациях Бунзена в соавторстве с английским химиком Г. Э. Роско в 1857 году.

Мне действительно не нужно было гоняться за призраками из прошлого, можно просто сделать несколько снимков северного сияния, и вуаля проект готов. Но без той ужасной атмосферы приключений, которой была наполнена каждая выставка, всё теряло смысл.

Перейдя на другой сайт, я забронировала билеты в Стокгольм и закрыла ноутбук. Швеция — вот моя следующая остановка в поиске «призраков» северного сияния. Возможно, Йёрген прав и мне стоит отпустить то, что осталось в прошлом? Возможно, права и Лика, которая утверждает, что мне следует отогреться в тёплых источниках и поснимать не ледяные узоры природы, а вулканы с янтарной лавой.

В любом случае побег от реальности в другой город с новым проектом может стать перезагрузкой, в которой я отчаянно нуждалась.

Глава четвёртая. Парк Абиско

Национальный парк Абиско ещё одно чудо природы, расположенное в горах, на берегу озера Торнетреск. Я выбрала именно это место, потому что здесь были «ясные окна» — это особые климатические условия, которые обеспечивают чистое небо. Желание сфотографировать местный колорит сумасшедшей природы никогда не привлекало меня. Так же, как и вулканы, от которых фанатела Лика. На моей плёнке было место только для северного сияния.

Расположившись за барной стойкой, я выжидала, когда землю накроет ночь и явит мне поистине захватывающее зрелище. Осматривала многочисленные бутылки, расставленные на полках. Цвета, мне нравилось сканировать их. Та, что справа, была наполнена зелёной жидкостью, скорее всего, абсент. Рядом стояла бутылка с голубым цветом, наверняка какой-нибудь ликёр, который добавляют в коктейли. Эта гамма красок так сочеталась с северным сиянием...

Опустив взгляд, уставилась на переплёт старой книги местного фольклора. Свеча отбрасывала дрожащий свет на страницы, исписанные легендами о Скрелингах. Открыв, начала читать историю северного сияния. В каждом городе, который я посещала, изучала местные легенды о душе полярной ночи. Каждая из них отличалась от предыдущей, но всё же было какое-то звено, связывающее каждую легенду.

«В землях, где сосны носят снежные шапки, а озёра становятся чёрными зеркалами зимней ночи, старики у камина шепчут о Скрелингах.

Скрелинги — не духи и не боги. Они — Тени севера. Те, кто пришёл раньше людей, когда мир был молод и пуст. Сотканные из льда, дыхания оленей и молчания, им не доставало тепла, чтобы чувствовать цвета. Предводителем скрелингов был чудовищно опасный Морс. Тело его представляло собой чёрный лед, а в глазах тлела вечная, неутолимая тоска.

Тени Севера позавидовали первой искре огня в руках человека. Тогда Морс приказал украсть его, но, коснувшись ледяных рук Скрелингов, огонь не обжёг, он растворился. Их холодные тела не выдержали подобного вторжения огненной стихии. Они стали прозрачными, как тончайший лёд. Через кожу заструился синий свет, похожий на ледник. Зелёный, как яд северного мха. Фиолетовый, как старый синяк на небе. Это был их первый крик немой, прекрасный и ужасный. Свет вырвался и взмыл в небо, окрасив его в цвета их муки. Так родилось первое сияние.

Но свет был лишь симптомом болезни. Скрелинги умирали не так, как живые, растворяясь в собственном свечении. Морс, видя гибель своего народа, совершил последнее воровство, украл память о самом тепле. Из снов самых нежных человеческих душ, из воспоминаний о первом летнем дне, из отголосков смеха у костра.

Теперь каждую ночь Скрелинги выходят на свой вечный танец увядающих. Они пляшут в небе, пытаясь ощутить украденное тепло, но их тела испускают лишь холодное сияние, которое с каждым новым свечением тускнеет. А Морс, самый большой и тёмный силуэт в

сполохах, не танцует, он стоит и смотрит вниз. Ищет глазами тех, чьи сны украл. Ищет самую горячую, живую душу.

Если долго смотреть на сияние, можно услышать их шёпот. Тихий звук, похожий на скрип льда под тяжестью ног.

„Верни нам то, что мы забыли, или стань нашим воспоминанием“.

Когда Морс находит того, чьи сны пришлись ему по вкусу, он спускается на землю оглушительной тишиной. Густой, ватной, высасывающей все звуки. И в той тишине можно увидеть его поцелуй, сотканный из чистейшего, беззвёздного мрака. Морс замораживает душу навечно, оставляя тело живым, но пустым, с глазами, в которых навсегда застывают отражения блуждающих огней.

Поэтому в Швеции, глядя на Аврору, восхищаются её красотой, но никогда не зовут по имени. И уводят детей с улицы, когда сполохи становятся слишком яркими и низкими. Ведь это значит, Морс голоден и его танец ищет нового партнёра».

Каждое слово отзывалось во мне странным, ледяным эхом, будто я не читала те строки впервые, а вспоминала их.

— Сильное чтиво, да? — раздался спокойный, немного хриплый голос.

Я вздрогнула и медленно подняла глаза. Мужчина лет шестидесяти с лицом, вырезанным ветром и морозами, словно из морёного дуба, смотрел на меня с вопросом в глазах. Он вытирал бокал, но взгляд был прикован не к стеклу, а к моему лицу.

— Что?

— Эйнар, — указал он на себя. — А вы, я смотрю, любите местные легенды.

— Это...? — мой голос прозвучал глуше, чем хотелось.

— Самые старые истории, — кивнул Эйнар, убирая бокал. — Те, что не рассказывают туристам. Приехали посмотреть на северное сияние?

— Вообще-то, сфотографировать. Я Аврора, — мягко преставилась, закрывая книгу.

Эйнар скривил губы, когда я озвучила истинный мотив пребывания в парке Абиско.

— Вы верите в Скрелингов?

Эйнар поставил руки на деревянную стойку и тяжело вздохнул.

— Вера здесь не работает. Ты не веришь в метель, но она всё равно приходит. Ты веришь в солнце, но оно может не греть полгода. Они часть пейзажа, как тот холод, что пробирается ночью под дверь.

— Вы же не можете говорить всерьёз...

Эйнар прервал меня тихим голосом:

— А что твои сны, девушка? Они твои или кто-то уже поделился ими с тобой? Ты смотришь на сияние как фотограф или как зритель в театре, где для тебя зарезервирован первый ряд?

Прикрыв глаза на секунду, я позволила памяти воскресить те незабываемые сны: ледяные просторы севера, мрачные предзнаменования сияния, оленей с нечеловеческими глазами и слишком большими рогами. Открыв глаза, посмотрела на Эйнара. На его вопросы не ответила, но, казалось, бармен прочёл всё на моём лице. Он медленно кивнул, как будто получил нужное подтверждение.

— Морс ищет горячую, родственную душу ту, в которой живёт холод. А твоя камера как раз ловит взгляды тех, кто находится по ту сторону реальности.

Эйнар склонился, пытаясь что-то отыскать. Потом выпрямился и протянул через барную стойку небольшой предмет, закреплённый на кожаном шнурке.

Это был амулет простой, грубой работы. Из рога оленя вырезали круг, а в его центре, будто в янтаре, прозрачной смолой залили глазную бусину, похожую на оленью. Тёмно-коричневая, почти чёрная, с мёртвым, застывшим блеском.

— Что это?

— «Око Странника». Старая саамская штука. Говорят, олень видит миры и наш, и тот, что рядом. Этот глаз, видел много сияний. Видел, что за ними. Он не защищает, но может предупредить, когда смотришь на небо, смотри и на него, если око отразит свет, всё в порядке. Если останется тёмным, а вокруг будет гореть небо, значит, свет смотрит на тебя.

Я взяла амулет в ладонь. Смола была тёплой от рук Эйнара, но глазная бусина внутри казалась ледяной. Прикосновение к ней вызвало короткую, резкую вспышку в сознании, образ: «Я стояла на снегу, а с неба спускалась огромная, бесформенная тень. В её центре застыли две угольные ямы, полные немой мольбы».

Вздвигнув, я чуть не выронила амулет. Эйнар поджал губы, сканируя меня внимательным взглядом.

— Почему вы отдали его мне?

Его стальной взгляд на мгновение смягчился. В нём мелькнула странная глубокая печаль.

— Потому что моя дочь, Астрид, десять лет назад, тоже читала эту книгу. Она была геологом, как и ты, кажется, вся в походах и тоже задавала вопросы. Однажды Астрид ушла в тундру, когда светило «особенно красивое» сияние. Мы нашли её камеру. Плёнка была засвечена сплошным белым светом, а её... — он кашлянул, отводя взгляд. — Её не нашли. Возьми. И будь осторожнее со своими снами, девушка. Иногда они могут быть чьими-то воспоминаниями. Помни, за чужую память всегда приходится платить.

Эйнар отошёл, чтобы налить кому-то виски, разговор был окончен, а я надела кожаный шнурок на шею. Амулет упал на грудь, холодный, как капля полярной ночи, прижатая к коже. Бросив взгляд на слова о поцелуе Морса, замораживающем душу, осознала, что они не кажутся сказкой. Скорее было похоже на тщательно продуманную инструкцию.

Теперь у меня был компас — страшный и немой. Око, которое смотрело в оба мира и в его глубине мне виделось признание. Будто там, на другом конце вселенной, меня кто-то ждал всю свою долгую мёртвую жизнь.

Вернувшись в номер, я собрала оборудование. Взяла штатив, налила в термос горячего чая с травами и направилась к заветной локации. Ещё днём, прежде чем пойти в бар, я нашла идеальное место, с которого наверняка откроется самый лучший вид на северное сияние.

Пробраться по каменистой почве оказалось непросто с громоздким рюкзаком и штативом в руках. Шум водопадов в национальном парке заглушал всё вокруг. Чем выше я взбиралась, тем отчётливее слышала журчание реки, с которой вниз срывалась вода, разбиваясь о камни.

Расставив оборудование, я замерла возле фотоаппарата. Стояла и смотрела в ночное небо, на котором медленно загорались созвездия. Огни города не слепили, здесь была истинная чистота природы, свет исходил только от луны и звёзд. Правой рукой поглаживала амулет, когда над чёрными зубцами гор, где тьма срасталась с небом проступила бледная дымка, но потом небо вздохнуло, и из тьмы выползли шупальца света. Они извивались, будто что-то огромное по ту сторону облаков. Оно шевелилось, пытаясь просочиться в наш мир.

Затвор щёлкал, не переставая, в попытке уловить саму суть природы. Я смотрела в объектив, наблюдая за тем, как разгорается сияние. Но вот что странно, на стыке чёрных гор и неба, тени двигались неестественно. Подняв голову к этому мерцающему безумию, я застыла. Воздух звенел ледяным гулом, в котором слышался отдалённый шёпот:

«Они уже близко».

Быстро посмотрев на око, я застыла, понимая, что оно осталось тёмным и не отражало свет. Это не просто сияние, это чей-то взгляд. Бездонные холодные очи, взирали на меня из глубин космоса, где нет ни времени, ни милосердия, а потом тьма сомкнулась вновь.

Я уже не слышала, как щёлкает затвор, как шумит водопад и шелестит листьями ветер. Между всполохами заметила очертания чего-то слишком длинного и неправильного, чтобы быть человеком. Оно смотрело вниз, на меня. В тот миг поняла, почему Эйнар верил в силу

северного сияния. Ведь то не просто сказки, а нечто древнее то, что было там тысячелетиями. Оно затаилось, но никогда не угасало, а сейчас, я разбудила это нечто своим вмешательством.

Не знаю, что именно произошло в тот момент, но я не смогла совладать с ледяным страхом, который пронзил душу, будто копьё, брошенное с небес. Развернувшись, побежала так быстро, что лёгкие горели, а сердце стучало, как молоток по наковальне. Но бежала я не к своему дому, а в густую чащу леса, чтобы скрыться от того, что смотрело на меня с небес. Даже зайдя глубоко в лес и спрятавшись за толстым стволом дерева, я всё ещё чувствовала ледяной взгляд. Будто он мог сканировать окружающую обстановку и видеть даже сквозь толстые стволы деревьев моё измученное лихорадочным ужасом тело.

Между деревьев просачивалось тонкое мерцание северного сияния. Оно падало на землю, будто кто-то позади меня светил прожектором. Зажмурив глаза, опустила голову между коленей и крепко обхватила их руками. Ни земля подо мной, ни дерево позади, я не чувствовала ничего, даже собственного тела. Голова кружилась, а перед глазами мерцали точки, так похожие на испорченные звёзды.

Время остановилось в том мгновении ужаса, ледяного страха и парализующей душу картины призрачных глаз, взирающих на меня сквозь толщу сияния. Не знаю, сколько я так просидела, в какой-то момент почувствовав, что проваливаюсь в пустоту. Был ли то обморок или потеря сознания, а может, я просто уснула, но тот вечер не закончился прекрасным пробуждением под лёгкое касание солнечных лучей.

Открыв глаза, казалось, спустя целую вечность, я увидела призрачные отблески северного сияния и снег. Он был повсюду. Тот же лес, то же большое дерево, в котором я нашла приют, но всё казалось ненастоящим. Провела руками по земле, зарываясь пальцами в снег, который не обжигал холодом. Подняв руку к лицу, посмотрела на маленький сугроб на ладони в ожидании, когда снег начнёт таять, но так и не дождалась.

Поднявшись, решила вернуться к камере и уйти с плато. Холод проникал под кожу тысячами жалящих иголок. Казалось, я выбрала правильное направление, но время шло, а я так и не смогла выбраться. Лес сковал меня в свою уникальную ловушку хитросплетённого лабиринта. Запахавшись, остановилась и заметила между деревьев силуэт.

— Аврора, — прозвучало тихим шёпотом.

— Кто здесь? — испуганно спросила я. Из рта вылетело облачко пара.

Вдали колыхнулось длинное пальто с серебристыми прожилками, словно в замедленной съёмке плохого фильма ужасов. Незнакомец сделал несколько шагов вперёд.

— Ты уже знаешь, — низкий голос врезался в меня, чуть не сбив с ног.

Он подошёл ближе, и я заметила, что незнакомец не оставляет следов на снежном покрове, укрывшем землю. Подняв голову, он явил моему взору совершенно ужасающее зрелище, его глаза были похожи на трещины во льду. Они как будто светились изнутри. В том мгновении мы застыли как два ледяных изваяния, что вылепил скульптор. Всё было до ужаса реальным. Холод, что пробирался под одежду, кусал кожу и оставлял ожоги.

— Это нереально, — я покачала головой, в немом ужасе от происходящего.

Вместо ответа мужчина поднял руку и коснулся своими пальцами моей щеки. Кожа под его прикосновением онемела от странного, почти наркотического притяжения. Я вздрогнула, но не смогла отстраниться. Меня ворожили те неземные глаза.

— Вы настоящий?

Незнакомец печально улыбнулся, будто вся скорбь мира навалилась на его плечи. Завладела душой и терзала веками напролёт.

— Ты проснёшься и решишь, что нет.

— Где мы? Что это за место?

— Ты знаешь. Видела его раньше, — голос напоминал треск льда под водой. Он эхом во мне отдавался и жалил, будто ледяное копьё.

Повернувшись вокруг своей оси, я попыталась найти разумное объяснение происходящему и не смогла. Единственная мысль, пришедшая в голову — это ожившая легенда. Морс, сотканный из чёрного льда, нашёл меня и спустился, чтобы забрать последние крохи тепла, что я носила в своей замёрзшей душе.

— Невозможно. Я никогда вас не встречала.

В тот миг, когда прозвучало моё утверждение, температура упала на десять градусов. Лютый холод обжёг голые участки кожи, хлестнул по лицу, впился в руки. Кожа потрескалась, когда я сжала кулак. Ранки тут же заполнились кровью.

— А сколько раз ты уже просыпалась?

Ветер резко усилился. Я прикрыла глаза, когда почувствовала нестерпимую боль от холода. В голове звучали слова папы: «Чем глубже падаешь в кроличью нору, тем сложнее потом выбраться, Аврора». Кроличья нора — проход, через который, погнавшись за кроликом, маленькая Алиса попала в страну чудес. Вот только я оказалась в ледяном царстве. Папа говорил, это аллегория перехода от обывательских мнений к состоянию недоумения, вплоть до всего бытия мира.

Открыв глаза с резким вздохом, будто до этого находилась в вакууме, я увидела прекрасный лес. Никакого зимнего ужаса. Незнакомец пропал, но оставил свой след, и это напугало меня до дрожи. Щека была мокрой, будто кто-то провёл по ней льдом.

— Если всё это было лишь сном, тогда почему у меня болят руки? — хриплым шёпотом спросила сама себя.

Облачко пара, будто я сидела не в национальном парке, вырвалось изо рта. Тот лёд, ужас и явное присутствие кого-то рядом, тяжёлым камнем засели внутри, за плетью из рёбер, рядом с сердцем.

Опираясь на ствол дерева, поднялась. Ноги дрожали, как и всё тело. Оглядевшись по сторонам, осознала, что нахожусь за большим стволом дерева, тем самым, которое должно было укрыть меня от северного сияния. Рассвет уже прорезал глухую ночь, но в глазах всё ещё плясали умершие звёзды, когда я пробиралась назад к своей камере.

Забрав штатив, с трудом осилила тот путь, который только вчера с таким энтузиазмом преодолела. Решив для начала выпить крепкий кофе и что-нибудь съесть, зашла в бар. Эйнар, увидев меня, грустно покачал головой.

— Долго же ты охотилась за своим сиянием.

— Мне нужно кофе и что-нибудь перекусить. Ночь была тяжёлая.

Он только хмыкнул, бросив взгляд на амулет с глазом оленя. Забрав с собой заказ, вернулась в комнату. Быстро прикончив сэндвич, задёрнула шторы, чтобы солнечные лучи не пробрались внутрь. Красный свет лампы беспощадно лизал стены, превращая их в кровоточащие пятна. Я села за стол перед ванночками с химикатами. Руки были в перчатках и казались каким-то чужими.

Плётка провисла между пальцами мокрая, будто только что выловленная из озера рыба. Я поднесла её к свету, не в силах ждать, пока проявятся снимки, но вместо северного сияния увидела дыру. Чёрную, рваную, будто кто-то вырвал кусок неба. Края волокнистые, как обугленная плоть, а по границам снимка виднелись отпечатки пальцев. Вернее, их подобие: слишком длинные, с растянутыми суставами, будто кто-то пытался пролезть сквозь плёнку, но застрял.

Вернув её в ванночку, заметила, как жидкость вспенилась, запузырилась. А навстречу мне поднялось лицо без глаз и рта, там были только вмятины от пальцев, но не это стало моим падением. Та самая глыба льда, что царила в душе, раскололась, когда с маленького кусочка плёнки на меня посмотрела я сама. Стоящая на снегу та другая была с пепельным цветом волос и такими же бездонными глазами, как у незнакомца. Позади меня стояло нечто высокое, согнутое. И оно смотрело прямо в камеру.

Глава пятая. Мурманск

Атмосфера в галерее была напряжённой. Лаконичные белые стены, идеальный паркет, приглушённый свет софитов, падающий на ещё не развешанные работы. В воздухе витал свежий аромат красок, смешанный с дорогим кофе и молчаливым разочарованием.

Йёрген смотрел на меня глазами, в которых читалось удивление. Я не говорила, что приняла предложение шведов. Не сказала и того, что купила билет на ближайший рейс до Стокгольма. Ни о чём не сказала, просто сделала, лелея веру в минимальную вероятность перемен, но всё только усугубилось. Теперь повсюду я видела тени. Чувствовала неспешные шаги незнакомца. Слышала, как его подошвы скрипят на снегу. Ощущала холод и не могла согреться даже на солнышке.

Прежде чем прийти в галерею к Йёргену, я несколько часов просидела в сквере неподалёку. Солнечные лучи должны чувствоваться по-другому, но я, кажется, забыла, каково это — позволить теплу проникнуть внутрь тела и согреть.

Йёрген стоял перед большим световым столом, на котором были разложены новые снимки северного сияния. Спина прямая, лицо — непроницаемая маска вежливости. Он молчал дольше, чем когда-либо. Наконец, Йёрген глубоко вздохнул и обернулся. Его лицо, обычно выражающее лишь деловую уверенность, сейчас было усталым и озабоченным.

— Аврора, это гениально, — но в голосе не было удовольствия. Восторга. Эйфории. Я чувствовала там тоску и бесконечную усталость, будто Йёрген имел дело с семилетним ребёнком, которого нужно утешить. — И это абсолютно не продаваемо.

Я стояла чуть поодаль со скрещенными руками. На шее, под водолазкой, висел кожаный шнурок с амулетом.

— Почему? Микаэль Линдстрём просил проект «Холод и технологии», — указательным пальцем скользнула по правой щеке в том месте, где незнакомец оставил ледяной ожог. Он пульсировал и горел, потому пришлось замазать толстым слоем тонального крема. — Я показала холод и технологии. Что не так?

— Не так то, что здесь нет той уютной тёплой атмосферы сияния! Они хотели суровую красоту Севера, — ткнув пальцем в снимки на столе, прорычал Йёрген. — Ледоколы, сияющие небоскрёбы, Аврора Бореалис в стекле современного музея. А что принесла ты?

На снимках не было ни людей, ни природы в привычном понимании. Первая серия — это макросъёмка старой доброй трубы. Из тех трещин пробивался иней, вперемишку с северным сиянием, образуя хрупкие кристаллы.

— Это! — снова повысив голос, добавил Йёрген. — Выглядит так, будто труба не излучает сияние, а кормится от него, как паразит. Или как жертва. Это мрачно и тревожно.

— Это правда, Йёрген. Холод не укрощают. Технология здесь не побеждает, а адаптируется.

Мне тоже пришлось повысить тон, чтобы донести своё видение на эту серию снимков. Йёрген видел в каждой работе какие-то недочёты, но никогда не критиковал так, как сейчас. От его пристального взгляда по коже пробежала нервная дрожь.

— Это не про технологии, да? Это опять про твои сны. Призраков. Ты впустила их в коммерческий заказ. Просто перепутала клиента со своим терапевтом.

Тишина повисла густая, режущая. Йёрген подошёл к кофе машине и с грохотом поставил две крошечные чашки. Ему требовалась передышка, прежде чем мы продолжим разговор. Я сосредоточила внимание на фотографиях, которые принесла и попыталась отыскать недочёты, но видела только устрашающую красоту непокорной природы.

Северная ночь представляла собой мигающие зелёные и красные огоньки. Съёмка была проведена на сверхдлинной выдержке. Траектории огней слились в призрачные, похожие на сполохи северного сияния, полосы. Технологии порождали собственный, холодный свет. Ещё

одна серия представляла собой набор снимков с гигантской локационной тарелкой, затерянной в арктическом тумане. Её сетчатая поверхность казалась паутиной, поймавшей сигнал ледяной мглы.

— Я знаю, после Апатит в тебе что-то сломалось, — более мягким тоном, продолжил Йёрген. — Ты привезла оттуда не только кадры. Даже Лика звонила, спрашивала, что с тобой. Говорит, ты теперь всегда мёрзнешь.

Я машинально прикоснулась к амулету, спрятанному за тканью водолазки.

— Мне не нужен терапевт, Йёрген. Мне нужен переводчик для того, что я вижу. И эти снимки — моя попытка перевода.

— Перевода для кого? Для них? — он кивнул на договор, открытый на ноутбуке. — Они не поймут и увидят лишь то, что проект не по брифу. Им не нужна твоя метафизика.

Йёрген подал мне дымящуюся чашку кофе. Пар столкнулся с холодным воздухом, идущим от двери, которую я, видимо, плохо закрыла.

— Я могу попробовать продать им это как глубокий, философский взгляд, с риском потерять контракт. Или ты можешь переснять. Съездить на тот новый арктический курорт, снять ледяной бар со стеклянным куполом под сиянием. Без этих... щупалец света.

Я вновь посмотрела на свои фотографии, разложенные на световом столе. На эти, как их назвал Йёрген «щупальца». Для меня они были не какой-то там метафорой. Я помнила чувство, когда казалось, что сияние тянется из глубин моего позвоночника, холодными, тонкими нитями.

Главный кадр, который камера сняла уже без меня — «Пульс». Фокус был на чёрных зубцах гор, будто кто-то специально сдвинул камеру, чтобы те глаза, следящие за мной, засветились на плёнке. На фоне тёмного неба висело северное сияние. И было видно, как тончайшие нити зелёного света буквально тянутся от антенн станции, расположенной у подножия, к сиянию. Меня поразил этот снимок, будто не люди ловили сигналы природы, а природа — сигналы людей.

— Я не могу переснять, потому что это не я так увидела. Я просто запечатлела на плёнку, если они не хотят правды, их дело.

Йёрген горько усмехнулся после моей смелой бравады. Чтобы скрыть свой гнев на его провокационные издёвки, я пригубила кофе, чувствуя горький вкус обжаренных зёрен.

— Правды? Аврора, милая, мы в искусстве. Здесь продают не правду, а нарратив. Красивую историю, а твоя история сейчас... — он сделал долгий глоток, будто не мог отыскать подходящее слово. — ...она пугающая. Ты смотришь на мир и видишь в нём какую-то ледяную паутину, которая всё опутывает. Даже меня пробирает холодом, когда ты рядом.

Как бы мне ни хотелось этого признавать, но я понимала, Йёрген прав. Я принесла не работу, которую хотела выполнить, а симптом своей болезни.

— Хорошо. Отдай им депозит, — да, он не знал, что я решила сделать эту серию снимков, но я понимала, Йёрген работал наперёд и наверняка уже взял предоплату, чтобы не потерять клиента. — Контракт сорван по моей вине.

— Чёрт возьми, Аврора, дело не в деньгах! — он вдруг вышел из себя, шлёпнув ладонью по стойке. — Дело в том, что я не могу тебя потерять как художника! Ты уходишь туда, куда я за тобой не смогу последовать. Ни как агент, ни как друг. Сначала эти сны, потом Норвегия, теперь этот взгляд. Что дальше? Ты исчезнешь в одной из собственных фотографий?

Он произнёс те слова в гневе, сотканном из безнадёжности, достучаться до моего ледяного сознания, и в воздухе повисло пророчество. Именно этого я боялась услышать.

Сделав шаг к выходу, я сказала почти беззвучно:

— Может быть, я уже там, а то, что здесь только тень, которая ещё не успела понять, что источник света погас.

Я не стала ждать ответа. Развернулась и вышла из галереи, оставив Йёргена одного перед снимками, на которых технология и природа сплелись в зловещем, холодном танце. Йёрген смотрел на центральный кадр, на те нити света, и ему наверняка казалось, что они не статичны. Что они медленно, почти незаметно, шевелятся.

Я спряталась за колонной и наблюдала, как Йёрген выключил световой стол, но тот образ его сжатых в кулаки рук, врезался в память. Похоже, он больше не видел во мне талантливого фотографа, способного оживить любой снимок. Он видел во мне маяк, который светит не для того, чтобы указывать путь, а для того, чтобы предупреждать о скрытых под ледяной водой скалах. И, похоже, мой маяк медленно, но, верно, погружался в ту самую ледяную воду, о которой Йёрген много раз предупреждал.

Тихо пробравшись к двери, я вышла на улицу и вернулась к скамейке, на которой до этого пыталась согреться. Вопросы один за другим всплывали в голове, будто в затаянном болоте, и я не могла ответить на них честно. Что, если я не сошла с ума, а начала просто видеть? Видеть то, что всегда было рядом, но для чего у большинства людей не было нужных органов чувств? Допустим, как инфракрасное зрение у змей. Только вот мой диапазон звучал по-другому — холод, тоска и сон.

Потянувшись к сумке, достала дневник, в котором содержалось сухое повествование, похожее на протокол.

«15 июля. Пробуждение в 3:14. Чувство падения. Вкус металла во рту. Тень от вазы на стене приняла форму, напоминающую рога оленя. Всё растворилось после включения лампы на прикроватном столике».

«18 июля. Разговор с Йёргеном. На фоне его голоса в левом ухе возникло ощущение высокочастотного звона, который я „видела“, как короткую голубую вспышку в крайнем левом поле зрения. Состояние длилось недолго, примерно тридцать секунд. Головной боли не последовало».

Я взяла ручку и сделала новую запись.

«24 июля. В том заснеженном городе с незнакомцем я испытала страх, но ещё одной подавляющей мыслью было то, что я вернулась домой. Самый странный симптом, чувство облегчения. Как будто всё это ожидание, наконец-то заканчивается. Синхронизация завершается. Прошу прощения у всех, кого брошу, но, кажется, меня уже давно здесь нет. Я в том холоде, и он зовёт потому, что хочет вернуть на место потерянную часть».

Странная запись, как и чувство нависшей угрозы. Она надвигалась медленно, но я ощущала каждый её шаг. Закрыв блокнот, чтобы не всматриваться в буквы в поисках ответов, почему написала именно это, направилась вдоль по тропинке. Единственное место, в которое хотела вернуться это моя мастерская. Красный свет, запах химикатов. Время ожидания, пока плёнка проявится и дарует мне серию новых снимков.

— Знал, что найду тебя здесь, — раздался тихий голос Леона. Он вошёл в мастерскую и замер, внимательно осматривая комнату. — Выходи или я включу свет.

— Отдавать приказы ты будешь в другом месте, — огрызнулась я. Боль, одиночество, чувство уязвимости, особенно после утренней встречи с Йёргеном, сделали меня чертовски тревожной и грубой. — Оставь меня и закрой дверь, когда будешь уходить.

В ответ прозвучал глухой хохот, и свет вспыхнул в мастерской. Взвизгнув, я всплеснула руками и упала на колени рядом с засвеченными снимками.

— Ты монстр и я отомщу тебе за это, Леон, — прошипела, когда почувствовала, как он сел позади.

Обхватив за плечи, притянул к себе, не замечая холодной кожи. И я позволила тому моменту стать созидательным, а не разрушительным. Снимки можно переснять, к тому же я так устала видеть в каждом зелёном всполохе чьи-то глаза, следящие за мной.

— Как понять, где сон, а где реальность? — тот вопрос сорвался с кончика языка, будто только и ждал подходящего момента.

Вместо ответа Леон потёр мои руки, сжал плечи, помассировал шею и снова крепко прижал к себе. Его тёплое дыхание согревало кожу на стыке, где шея переходила в плечо. Я услышала тихий шёпот непонятной мелодии, что он напевал на ушко. Мурашки бегали по коже, но не от холода, а чего-то душевного и нежного.

— А где реальность, когда ты видишь то, чего нет, Аврора?

Дело в том, что я не знала. Всё было реальным. Моя жизнь полная ужаса и горя. Мои сны в ледяном царстве, и каждая из тех дорог чувствовалась реальностью. Я видела чёткие образы, слышала слова, чувствовала прикосновения. Вот даже сейчас объятия Леона казались таким живыми и правильными. Я ощущала каждое мгновение, слышала его дыхание и верила, это правда. Но также было и с незнакомцем, который знал моё имя. Я видела его, чувствовала холод прикосновения, и в тот момент всё казалось такой же правдой.

— Что снято на плёнку, то становится реальным, — прошептала я, положив голову на плечо Леона и позволив его теплу окутать моё тело. — Каждый снимок оживает, и я не могу это остановить. Ты же видел тени на зелёном холсте сияния. Я не сумасшедшая.

— Конечно, нет, — тут же согласился Леон. — Я верю, что есть какая-то неведомая для человека сила в этом мире. Другая. Отличная от всего, что мы знаем. Вот только не каждому дано её увидеть.

Я прикрыла глаза, вспоминая лес, в котором пряталась, переход из одной реальности в другую, произошёл мгновенно. Я помнила, что там не было солнца только бесконечная ночь, прерываемая всполохами северного сияния.

Мне не хотелось говорить только чувствовать. Я нашла ладони Леона и крепко сжала в своих руках. Прижала к груди, напиваясь теплом его тела, медленно, погружаясь в сладкий сон. Там не было сновидений, и это оказалось прекрасно, просто уснуть, не падая в другую реальность. Но как же я ошибалась каждый раз с надеждой закрывая глаза, что не окажусь в ледяной сказке снежной королевы.

Я не просто уснула, я сорвалась в зияющую пропасть. Мир перевернулся, выдернув меня из объятий Леона и бросив в другую реальность, которая должна была быть просто сном.

Тишина стояла густая, величественная, она давила на барабанные перепонки. Именно от того тотального затишья я проснулась. Вместо потолка надо мной зияла бесконечная чернота, усеянная звёздами. Я лежала на кушетке, которая стояла в моей мастерской вот только та, что подо мной оказалась глыбой льда, но я не чувствовала холода сквозь тонкую ткань пижамы.

— Это сон, — сказала вслух, и голос прозвучал глухо, будто воздух здесь был плотнее, чем в моём мире. — Очень странный, красивый сон.

Под ногами хрустнул наст, тонкая ледяная корка, припорошенная свежим снегом. Холод обжёг голые ступни, поднялся выше, заставив поёжиться. На мне была та самая пижама, которую купила в порыве отчаяния после очередного неудачного свидания, чтобы хоть как-то поднять себе настроение. Короткие атласные шорты цвета тёмной сирени, сидящие на бёдрах так низко, что это было почти неприлично, и майка на тонких бретельках из того же скользкого, струящегося материала, едва прикрывающая грудь.

Всё это великолепие было расшито тонкой серебряной нитью. Мелкие звёздочки, рассыпанные по ткани, ловили свет небесных звёзд и соблазнительно переливались.

— Господи, — простонала, прикрываясь руками, будто кто-то мог меня увидеть.

Атлас на теле плохой помощник в борьбе с морозом. Ткань только подчёркивала каждый изгиб, каждую линию, но совершенно не грела.

— Во сне не бывает холодно, — сказала себе, но это было неправдой. Во сне бывает всякое. Во сне можно умереть и проснуться в холодном поту.

Я отшатнулась, когда из-под белой пелены начали подниматься стены. Ледяные глыбы росли прямо из земли, формируя коридоры и арки. В их росте чувствовалась закономерность, страшная и прекрасная, как дыхание самого мироздания.

Стены из прозрачного льда уходили ввысь, теряясь в темноте. Внутри пульсировал тусклый голубоватый свет не живой, но и не мёртвый, а где-то в глубине лабиринта утробно, низко завывал ветер.

— Это уже слишком, даже для сна, — прошептала я.

Сделала шаг назад и наткнулась на стену. Обернулась. Там, где только что была бескрайняя равнина, теперь тоже высился лёд. Лабиринт замкнулся, поймав меня в ловушку.

Атлас скользил по коже при каждом движении, напоминая о своей почти неприличной мягкости. Тонкие бретельки сползали с плеч.

— Хоть бы снег пошёл, — пробормотала. — Замело бы меня к чёртовой матери...

Крупные, пушистые хлопья закружились в воздухе, оседая на волосах и на атласе, который мгновенно намок и стал почти прозрачным.

— Твою ж... — выдохнула я, прикрывая грудь руками. — Я пошутила!

Но снег не слушал. Он падал и падал, укутывая меня в ледяное покрывало, заставляя дрожать всё сильнее. Раскрыв рот от изумления, увидела ледяное плато. Вдали виднелся замок, похожий на собор, что высекли из единой глыбы чёрного льда.

«Пытаясь вернуться в прошлое, ты всегда будешь возвращаться сюда, Аврора».

Тот голос, что раздался в голове, заставил вздрогнуть. Он лился как ртуть на кожу и оставлял ожоги.

— Кто вы? — в этом огромном пространстве мой голос резонировал, как звон разбитой сосульки.

Ответом была тишина, после которой передо мной выросла стена из спрессованной метели, пронизанной жилами голубого льда. Внутри зияла дыра, похожая на вход, из которого дул ветер.

— Что это? — задала новый вопрос. — Я должна войти?

«Лабиринт, — тот же безликий голос прошептал в голове. — Ты должна пройти его».

Маленькие кристаллики льда коснулись моей кожи, но не растаяли. Снег здесь не боялся тепла или, быть может, я с ним одной температуры?

Войдя внутрь той арки, я оглянулась, понимая, что проход позади закрылся. Выдохнув сдерживаемую ярость на всё происходящее, устремилась вперёд.

Зеркальные стены из льда не показывали моего отражения. Там, позади наверняка стояли проекторы, которые транслировали прошлое, как испорченное кино. Как мы поссорились с родителями перед тем, как лавина унесла их жизни. Лицо папы, на котором читалось тотальное разочарование. Каждое из отражений теряло цвет, становилось холодным и плоским, после чего тускнело. Воспоминания взрывались внутри меня опасными чувствами.

Я побежала, пытаясь не смотреть обрывки старой жизни, но их шёпот нарастал с пугающей интенсивностью. Он исходил от тех глыб льда, похожих на зеркала.

«Оставь это. Здесь тепло только воспоминаниям о боли. Отдай их. И тебе станет легче...»

Тот голос обещал покой через забвение. И это казалось настолько привлекательным предложением, что я замерла на мгновение. Да в мыслях пронеслось, вот оно то, что я так долго искала, но что-то пронзило кожу на правой ладони, вырвав меня из тех грёз. Разбив кулаком одно из зеркал, я порезала ладонь льдом, но та боль стала моим якорем. Из разбитого отражения на меня смотрело искорёженное лицо мамы, но с пустыми светящимися глазами. За это испытание я заплатила первой каплей своей крови ещё тёплой на стылой земле.

— Чёртовы призраки из прошлого, — вскрикнула, яростно пытаясь заглушить боль от той зияющей раны, что поселилась внутри, когда мама с папой умерли. — Бессознательное пытается свести меня с ума. Просто прекрасно.

Дальше коридор сузился, напоминая ледяную трубу, из которой шёл тихий смех, будто кто-то слушал каждое слово, которое я произносила. Как маленькая девочка, я высунула язык и скорчила рожицу, когда гул из трубы стал сильнее.

— Очень смешно, ничего не скажешь. Я должна спать, а чувствую себя так, будто пробежала марафон.

Звуки моих шагов, дыхания, даже стук сердца поглощались стенами ледяной трубы. Здесь не было картинок из прошлого, вместо этого в моей голове звучали голоса. Обрывки чужих мыслей тех, кто заблудился в этих коридорах.

«Слышишь? Это их вечность, и твоя будет такой. Тишина. Прекрасная, чистая тишина. Перестань бороться. Дай голосу твоему умолкнуть...»

И снова искушение сдаться. Тот голос, как ядовитый змей нашёптывал слова забвения, которое я так отчаянно искала в своей реальности. Желание поддаться безумию, раствориться в хоре потерянных душ, жгло изнутри ледяным холодом. Чтобы не сойти с ума окончательно, я начала напевать. Первая песня, пришедшая в голову колыбельная, которую пела мама. Тот звук ожил у меня в душе. Вибрировал в горле, заглушая чужие мысли. То была своеобразная мантра, барьер, который ограждал от искушения. Я пела, пока не вышла в зал, где тишина сменилась гулом ветра.

В этой комнате из стен, потолка и пола росли кристаллы, внутри которых переливалось северное сияние. Будто кто-то смог поймать те всполохи на ночном небе и заточить в ледяные глыбы. Всё здесь высасывало моё тепло не грея, а убивая. Попытка приблизиться, закончилась приступом ледяной боли, будто душу заморозили. Кристаллы преломляли образы, показывая то древнюю старуху, покрытую инеем, то бестелесное сияние, растворившееся в темноте ночи.

«Посмотри, какой ты станешь — холодной, как свет. Красивой, как тень. Разве это не лучше, чем быть хрупкой, страдающей девушкой? Дай холоду войти. Он облагородит тебя...»

Тот голос не отпускал, преследуя меня на каждом этапе лабиринта. Соблазн, как обещание избавления от брэнности, выжигал кислород из лёгких. Я шла, стараясь не касаться кристаллов, и смотрела прямо перед собой, не на те искажённые отражения, а на свои бледные руки. Я поочерёдно сжимала и разжимала пальцы, чувствуя боль от пореза. Прошла тот путь, приняв своё тело со всеми ранами и уязвимостью, как последний оплот против обещающего бесстрастия льда.

Ледяные шипы выросли из пола в случайном порядке. Мне приходилось прыгать и прижиматься к стенам, чтобы не напороться на остриё. Один шип пропорол кожу на бедре оставив длинный порез.

Я зашипела от боли, глядя, как из раны сочится алая кровь.

— Во сне не бывает крови, — сказала себе. — Во сне не бывает...

Я не договорила, потому что боль была слишком реальной.

— Это не сон.

Мысль ударила в голову, как молния. Я замерла посреди коридора, забыв о шипах. Посмотрела на свои руки, пошевелила пальцами, прикусила губу, и застонала, почувствовав боль.

Шипы за спиной с тихим звоном втянулись обратно в пол. Коридор осветился мягким голубоватым светом. В конце этого безумия меня ждал мост из прозрачного льда, парящий над бездной, в которой клубились звёзды. На том мосту стояли олени с большими ветвистыми рогами из льда. Немые судьи моего реалистичного сновидения.

Я сделала первый шаг, и стражи опустили головы, преграждая путь. Их рога стали живой изгородью. Покрытые инеем и льдом, они выглядели устрашающе.

«Они не пропустят. В тебе слишком много шума и жизни. Уйди, пока не поздно вернуться в свой хрупкий мир и умереть там по-настоящему».

Теперь тот навязчивый голос звучал как приказ, которому я беспрекословно должна повиноваться. Голос, обрётший силу отчаяния тех, кто стал частью лабиринта. В нём звучала не только угроза, но и ревность, будто я слишком хорошо справлялась с заданиями. Моя душа была укором для тех, кто свой свет променял на чёрную вечность льда.

Я была измучена, продрогла до мозга костей и не могла больше двигаться вперёд. Этот холод высасывал жизненную силу, ничего не предлагая взамен. Я смотрела тем оленям, в пустые глаза, когда чётко говорила:

— Я уже здесь.

Желание зажмурить глаза было велико, но я не позволила себе эту слабость, когда шагнула прямо к тем острым пикам рогов. Ожидание того, что сейчас моё тело пронзят и я упаду в бездну, крепко засело в сознании. Но прошло мгновение, те огни в глазах оленей затрепетали, и они отступили, убрав рога. Каждый страж медленно, с ледяным скрипом отошёл, открывая другой путь. Они пропустили меня потому, что я отказалась забывать.

В конце моста меня ожидали люди. Или нет? Здесь ни в чём нельзя быть уверенной. И огромные закрытые ворота из сияющего льда, которые распахнулись сами, впуская меня в тот ледяной дворец, что я видела прежде.

Глава шестая. Город призрак

Я стояла на краю мира, где сосны скрипели, будто старые кости, а ветер выл, словно загнанный зверь. Густой воздух обжигал холодом. Каждый вдох оставлял на губах вкус железа, будто я облизнула батарейку.

Те люди наблюдали чёрными пустыми глазами. Они стояли по обе стороны от меня, когда услышала в голове ледяной потрескивающий голос:

— Ты прошла Лабиринт не как Невеста, предназначенная судьбой. А как нарушительница, доказавшая своё право на вход одной лишь неистовой, упрямой волей.

Круг разомкнулся, как по команде, пропуская меня в тишину. Ту, что вытягивалась из стен плотной вязкой массой и манила зайти внутрь.

— Теперь ты готова ко встрече с Владыкой зимы — Севером.

Когда я переступила порог, ворота закрылись, отрезав тех людей и оленей-стражей, что стояли на мосту. Пространство казалось бесконечным и удушающе тесным. Но вот что странно, теперь я не чувствовала обжигающего мороза, оставляющего на коже свои следы.

Обернувшись, увидела неподвижную фигуру незнакомца и приняла её за статую, пока мужчина не повернул голову. Прекрасное бледное лицо, как у мраморного надгробия пугало, но вот глаза, они были живыми. Я не увидела радужки лишь чёрную пустоту, в которой плавали крошечные холодные огоньки, похожие на звёздную пыль. Он стоял у гигантского окна, сквозь которое проглядывало бледное свечение сумерек.

Высокий, таких высоких я не видела никогда в жизни. Волосы серебряные, длинные, с вплетёнными в них тонкими ледяными нитями, которые переливались в звёздном свете. Он был одет во всё чёрное, плотная рубашка, обтягивающая грудь, высокие сапоги и тяжёлый плащ, наброшенный на плечи.

Незнакомец внимательно исследовал меня своим пронзительным взглядом. Медленно спускаясь от лица вниз по шее, мокрому атласу, прилипшему к груди, под которым угадывался каждый изгиб. По бёдрам, едва прикрытым короткими шортами. Его взгляд горел только не вождением, в нём читалось что-то другое. Древнее. Первобытное. Голод не тела, а души.

— Что это за место?

Голос слишком громкий в той тишине, разрезал пространство и должен был пробудить меня ото сна, но нет.

— Санграаль, — слова донеслись до меня низкой, без единой эмоции вибрацией, вибрирующей в костях. — Ты нарушила границу.

— Какую границу? Я всего лишь заснула в своей мастерской.

Мужчина сделал шаг вперёд, я отступила, боясь снова почувствовать то обжигающее прикосновение. Его длинный плащ, казалось, был соткан из стусившихся теней и инея, что покрывал пол.

— Границу между миром живого тепла и вечного холода. Ты не просто заснула, ты увидела нас, — с каждым его словом по стенам пробежали голубые прожилки света, как будто всё здесь было живым и реагировало на присутствие незнакомца. — Это было приглашение, и ты приняла его.

— Какое приглашение? — выпалила на одном дыхании. — И почему олени с горящими глазами преследовали меня? Что за Лабиринт и к чему те испытания?

В его взгляде горело какое-то узнавание, смешанное с досадой и чем-то отдалённо похожим на тревогу.

— Стражи охраняют границу, они проверяли, достойна ли ты войти. А молчаливые... — он склонил голову, оценивая меня, пытаясь понять, как много можно рассказать. — Они те, кто перешёл границу, но не смог вынести встречи с вечностью. Их разум сломался. Молчаливые потеряли голос и стали Тихими. Это должно было предостеречь.

— От чего? — спросила я, не в силах понять истинные мотивы своих жутких снов. — От тебя?

Он оказался передо мной настолько быстро, будто я моргнула, а когда открыла глаза, незнакомец уже стоял рядом. От него веяло холодом, который высасывал мою жизненную силу.

— От этого места, ведь здесь нет смерти в твоём понимании. Здесь только пребывание в той или иной форме. Олени — вечные стражи. Тихие — вечные скитальцы. А я... — в его чёрных глазах звёзды на мгновение вспыхнули ярче, — тот, кто упорядочивает хаос. Поддерживает равновесие. А ты, Аврора нарушила его.

Сердце бешено заколотилось в груди. Я ущипнула себя, проигнорировав фырканье Севера, но ничего не вышло. Проснувшись, нужно обязательно почитать про сны и как можно из них выбраться. Хорошо хоть за мной не гонялся какой-нибудь маньяк с ножом в руках.

— Аврора, ты вернулась добровольно, — голос ровный, но в нём слышалось лёгкое раздражение. — Закрепила право на путь невесты, окропив кровью снежную землю в момент, когда северное сияние было в своей наивысшей точке.

— Добровольность — сомнительное понятие, когда тебя ведут призраки. Они не сказали зачем?

— Они не говорят, только направляют. Твоё присутствие здесь — это камертон. Ты нарушаешь их покой и мою работу.

— Какую работу? Быть тюремщиком?

Холод от Севера физически давил на меня. Я чувствовала себя обедом, который заботливо пригласили на аудиенцию к Владыке зимы.

— Тюремщик охраняет заключённых от внешнего мира. Я же охраняю этот мир от них. И от себя. Каждый Тихий — это душа, которую разорвала на части собственная боль, страх и тоска, в момент соприкосновения с вечностью. Этот дворец, коридоры, жёсткие рамки для распадающегося сознания. Без них здесь был бы лишь хаос из света и крика.

Оглядевшись более внимательно, я заметила, что зал и вправду напоминал собой своеобразную конструкцию из льда. Прямо как в мультфильме «Холодное сердце», где Эльза выстроила замок на вершине горы, оставшись в полном одиночестве. Вот только Эльза не стала кивалась с Владыкой зимы, стражами-оленьями и тихими людьми.

— Я хочу домой.

— Дом... — впервые в его голосе прозвучала не вибрация, наполненная холодом, а почти человеческая усталость. — Это понятие здесь лишено смысла. Ты вошла в круг. Твоё появление здесь уже начало процесс. Стражи признали в тебе черты. Тихие почуяли тепло, которого они лишились. Ты уже не просто гость. Ты — Избранная. Игнорировать Закон — значит обречь Санграаль на медленное окаменение, а все души в нём на вечное, бессмысленное заточение.

Он смотрел на меня без осуждения, как учёный смотрит на неизбежное уравнение. И в том бесстрастии было больше ужаса, чем в любой ярости.

— Я ничего не выбирала, — голос сорвался.

Север отвернулся к окну, возле которого стоял, когда я вошла. Его профиль на фоне тех ледяных колонн казался вырезан из самой вечности.

— Справедливость — понятие твоего мира, где всё имеет начало и конец. Здесь есть только баланс. И долг, — тягучим неизбежностью тоном, ответил Север. — Моя доля — править. Твоя, похоже, стать следующей опорой. Прими это или попробуй сбежать. Посмотрим, куда заведут тебя коридоры, которым нет конца. Послушай, что шепчет тишина, ведь в ней нет ни одной твоей мысли. Ты первая, у кого есть выбор, пусть и иллюзорный.

Его мимолётный взгляд нёс в себе стужу. А я задавалась вопросом почему он здесь? Кого сдерживает и отчего?

— Сдерживаю тихих от проникновения в человеческий мир, а ты не распадаешься. Твоё сознание не рвётся на клочки при виде этого ада. Оно резонирует. Ищет паттерны, пытается понять. И это опасно.

— Для твоего идеального порядка?

Слишком быстро рука Севера в чёрной перчатке взметнулась вверх, оголив кисть. Его кожу пронзали ледяные голубоватые прожилки. В момент прикосновения меня обожгло отчаянным холодом. Он напомнил мне смесь солёных слёз и грубого льда.

— Для тебя! Думаешь, они молчат, потому что не могут говорить? Они молчат, потому что забыли, как это быть целыми. Они забыли себя. И каждый раз, когда ты здесь, твоя целостность, живые, жгучие воспоминания о солнце, ветре, о чьём-то смехе... они действуют, как раскалённое железо. Ты заставляешь их вспоминать. А это означает снова почувствовать ту боль, от которой Тихие сбежали сюда.

Я не пыталась вырваться, во-первых, потому, что это мой сон и правила диктовать буду я, хотя пока выходило совсем хреново. Во-вторых, потому, что мне было любопытно. Я чувствовала Севера не как видение призрачное и непонятное, а как настоящего мужчину, который сжимал мою руку своей холодной ладонью. Такого ведь не бывает во снах, правда?

В его глазах, той бездне пропасти, которую они представляли, плескалось нечто живое то, что я могла почувствовать. Страх, но Север переживал вовсе не за себя, а за хрупкую систему боли, которую возвращал в душе.

— А ты? — упрямо спросила я, вздёрнув подбородок. — Что вспоминаешь ты?

Он резко отпустил моё запястье, будто обжёгся. Отступил, разрывая контакт наших тел. Опасался, что я смогу противостоять тому холоду, который он транслировал? Лицо Севера вновь превратилось в маску, но я уже видела на ней трещины боли, ярости и гнева.

— Я вспоминаю, что значит быть не единственным в этом молчаливом суровом мире. И это невыносимо, потому что одиночество — основа моей реальности. Это фундамент. Ты приходишь и ставишь под сомнение каждый камень, из которого он сложен.

Север растворился, будто его и не было, оставив меня одну в ледяной тюрьме. Законы чужой вечности давили тяжелее каменной глыбы. А пресловутый титул невесты звучал как смертный приговор. Я подошла к тому большому окну, возле которого стоял Север и посмотрела на небо, увидев мерцающие звёзды, такие же плескались в глазах Севера холодные, одинокие и бесконечно далёкие.

Ладонь невольно потянулась к стене и, как только я коснулась ледяной глыбы, почувствовала, как та начала таять. Маленькие капельки струились между моей ладонью и стеной, но стоило убрать руку, лёд тут же нарастал новой коркой.

Оставшись в одиночестве своего сумасшествия, я побрела по бесконечным коридорам дворца чувствуя себя не пленницей, а исследователем. Я сознательно искала слабые места, но лёд был монолитным, без единой трещины. Пыталась запоминать повороты, но геометрия Санграаля нарушала законы пространства. Пройдя по прямой, я снова и снова возвращалась к той же ледяной арке, с которой начала. Выхода не было. Но была комната, которую я обнаружила случайно, пройдя сквозь зеркало, замаскированное под идеальное отражение коридора.

Пространство смутно напоминало мою мастерскую в Осло, будто войдя, я поделилась своими воспоминаниями и всё материализовалось из льда и света.

На правой стене из ледяного сумрака на меня смотрели проекции фотографий. Кадры моего прошлого: детская комната с плюшевым зайцем на кровати, лицо мамы, смеющейся над разлитым чаем. Папа, который внимательно изучал снимок северного сияния, сделанный на обычный фотоаппарат. Статичные изображения, в которых пульсировал тёплый и такой живой свет. Он шёл из прошлого, будто вырванный из памяти и без спроса помещённый в ледяной грот.

Глаза наполнились слезами, я закусила губу, чтобы не разрыдаться, чувствуя каждый снимок и проживая его снова и снова. Справа стоял ледяной стол, похожий на тот, что был в реальном мире. На нём лежал Зенит, старый фотоаппарат папы, который я бережно хранила. Прикоснувшись пальцами, скользнула по тёплому металлу, будто кто-то совсем недавно держал его в руках.

Здесь я не чувствовала присутствия Севера. Это моё пространство, тщательно реконструируемое Санграалем. Или владыкой зимы, чтобы что? Дать призрачное утешение или тщательно изучить?

Я подошла к стене и прикоснулась к изображению мамы. Моя ладонь не встретила сопротивления, она погрузилась в прохладную бархатистую поверхность света. Закрыв глаза, я позволила тому давнему воспоминанию расцвести внутри. Оно было ярким, объёмным, не как картинка. Мне тогда было восемь. Я сидела на кухне, мама гладила меня по волосам, пропуская пряди сквозь пальцы. За окном барабанил дождь, но я чувствовала защищённость и тепло.

— Что это? — спросила вслух, обращаясь к ледяной комнате. Всё казалось слишком реальным, похожим на уютную ловушку ностальгии. — Музей моей жизни?

В тот миг стены дрогнули и сменили свою траекторию. Теперь я видела не тёплые воспоминания, которые очень давно похоронила в дальнем ящике памяти. Сейчас материализовались мои самые глубокие страхи. Последний взгляд на родителей перед тем, как их накрыло лавиной снега. Протокол с сухой формулировкой их смерти. Искажённая гримасой ужаса фотография с той выставки в Осло, а вокруг лица людей, расплывающиеся в насмешке. Последний кадр, в котором увидела себя в этой комнате, только медленно покрывающуюся льдом. Мои глаза становились тусклыми, пустыми, как у тихих людей, которые потеряли себя в вечном холоде Санграаля.

«Что сильнее свет твоего прошлого или тьма страха? Что из этого сделает тебя одной из нас?»

Тот тихий женский голос, который преследовал меня в лабиринте, настойчиво ворвался в сознание. Он давил, будто хотел испытать, насколько я сильна и как легко меня можно сломать.

Закрыв глаза, осознала, что меня отчаянно тянет к тому ложному образу мамы, чтобы забыла. Осталась здесь, отдала всё своё тепло и стала одной из Тихих людей. Это был тот самый выход, который я много лет искала в ярких всполохах Авроры Бореалис. Вечный рай в музее моих собственных воспоминаний.

— Нет, — прошептала с отчаянием. — Это не я.

Паника, острая и липкая, подступила к горлу. Я бросилась к выходу, бежала минуту, пять, десять, но дверь также осталась в трёх метрах. Задыхаясь, я остановилась. Воздуха катастрофически не хватало, будто комната питалась моим страхом.

— Всё это реально или я схожу с ума? — голос дрожал, разбивая вдребезги гробовую тишину. — Может, я лежу в морге, а это предсмертный бред? А Север — просто порождение истерического сознания одинокой женщины, которая прочитала слишком много легенд?

Я крепко сжала голову руками.

— Но тогда почему это так последовательно? Почему здесь присутствует логика, которой нет в снах? Почему я чувствую холод, который жжёт, и пустоту, что давит?!

Я вытянула руки, заметив тонкие паутинки вен, которые светились голубоватым цветом.

— Эти отметины — галлюцинации?

Внезапно из меня вырвался истерический хохот. Он получился горьким и надтреснутым.

— Проверка. Нужна проверка. Во снах нет боли или есть, но не такая...

Замахнувшись, я резко ударила ладонью по краю стола. По венам разлилась острая боль. Кожа на костяшках треснула, из неё проступили капли крови. Алая тёплая человеческая кровь — вот только не во сне. Я смотрела на неё как зачарованная, ведь это было доказательством, что я жива и всё до ужаса реально. Но моё ликование продолжалось недолго, через несколько секунд кровь остановилась, рана затянулась и на её месте проступили голубые морозные узоры. Боль стихла, сменяясь холодным онемением.

— Значит, я уже не совсем человек? Я становлюсь частью этого места? Каждая моя эмоция, воспоминание, каждая капля крови — кирпичик для этой проклятой реальности?

Я подошла к столу и взяла в руки фотоаппарат. Папа так гордился, когда купил новую модель Зенита, а я хотела его разбить, чтобы развеять те ложные воспоминания. Иллюзию, в которую меня пытались втянуть, будто в чёрную дыру. Подняв руки, я почувствовала, как пространство дрогнуло. Стены погасли, и комната погрузилась в темноту.

«Я тоже держался за свет, и он меня не спас. Он стал топливом для тьмы. Так что спасёт тебя, Аврора?»

Камера выпала у меня из рук, когда услышала спокойный, холодный голос Севера в своей голове. Зенит не разбился, он мягко приземлился на пол, превратившись в лужу тёмного света, которая впиталась в лёд и стала его частью.

Казалось, теперь я осталась одна в крошечной темноте. Без картинок, воспоминаний и страхов. Была только чистая реальность этого места, которого не могло существовать на самом деле. Я оказалась в ловушке. Единственное, что могло спасти ситуацию, — это возвращение в реальность. Но здесь и была загвоздка, я не могла проснуться. Всё, что осталось реальным в этом иллюзорном замке изо льда моя воля. И безграничная пустота Севера, которую он показал.

Осознание, что выход — это битва не с ледяной крепостью, а с той частью себя, которая готова принять прекрасную ложь за правду, отрезвила. Пока эта часть жива, я буду здесь и не смогу проснуться.

— Меня зовут Аврора. Я родилась в городе Апатиты, — начала вслух перечислять факты из своей жизни. — Мои родители погибли на экспедиции, их накрыло лавиной снега. Я фотограф и вижу то, чего не видят другие.

То не молитва была, а проверка на реальность происходящего. В глубокой темноте, последовавшей за моими словами, показалось, что в толще лёд отозвался эхом моего собственного голоса. Он звучал отнюдь не насмешливо, а с уважением. Если это ловушка сознания, я готова сломать её изнутри, но, если же это реальное место выжгу его.

— Я не останусь.

В тот миг дверь, через которую я вошла, открылась, впуская свист настоящей метели. Вслед за ним я услышала зовущий меня голос, в этот раз, определённо принадлежащий Северу.

«Ты здесь, потому что мир тебя выбрал».

«Отлично, — подумала я, осознавая, что говорить вслух те слова не обязательно он и так услышит меня. — Похищение — мой любимый способ знакомства».

«Ты не похищена. Ты — призвана».

Комната начала рассыпаться, как карточный домик, уносимая вихрем моей вновь обрётённой воли. Выход нашёлся не в пространстве. Он прятался в отказе принять правила игры.

Глава седьмая. Легенда о душе полярной ночи

Возвращение в реальность было похоже на выныривание из ледяной воды, пугающее до дрожи во всём теле. Я проснулась на полу в луже проявителя с прилипшей к щеке фотобумагой. Во рту стоял противный вкус меди и формалина.

— Как же такое возможно? — хриплым голосом, будто не разговаривала несколько дней, прошептала.

Запястье пульсировало и когда осмотрела руки, зашипела. Там красовался узор из ледяных трещин. Он был отчётливым, как старое тату.

Первое, что сделала, пошла в душ. Скинув одежду, осмотрела себя, но больше не нашла на теле видимых узоров. Чистая кожа, на которой явственно проступали синие вены. Обжигающее тепло воды обволакивало тело, но не проникало внутрь. Не согревало, как, впрочем, и чай. Вместо этого меня пробрал озноб. Я стучала зубами, но всё равно продолжала стоять под горячей водой. Пар поднимался маленькими капельками, оседая на стеклянных стенках. Я с какой-то нездоровой одержимостью тёрла запястье мочалкой, но рисунок не смывался.

Бросив попытки отогреться и очистить свой разум от ночных походов, надела тёплый халат, сделала кофе и вернулась в комнату. Пока ноутбук загружался, я взяла телефон и увидела пять пропущенных от Леона и Йёргена. Собиралась перезвонить, когда экран засветился. Фон рабочего стола заставил меня испытать страх. На снимке северного сияния, которое я сделала в парке Абиско, угадывались очертания нечёткого лица. Оно было немного смазанным, но узнаваемым. Север. Даже здесь он преследовал меня. Резко выключив ноутбук, уставилась на то, что стояло позади, высокая угловатая тень. Овернувшись, конечно, в комнате никого не обнаружила.

Я так долго смотрела в никуда, что испугалась, когда дверь открылась и внутрь вошёл Йёрген. Должно быть, встревожился из-за моего молчания, когда не ответила на нескончаемую серию звонков. Ну что я могла сказать?

Извини Йёрген, но в зимнем мире связь не ловит.

Когда наши взгляды встретились, он побледнел.

— Чёрт возьми, Аврора, ты выглядишь так, будто месяц не спала. Что случилось?

Вокруг меня на столе и на полу валялись разбросанные снимки северного сияния. Вот только теперь я не видела тоскующего зелёного цвета. В каждом из них было нечто, что смотрело на меня. Стена из рогов оленей-стражников. Руки, пытающиеся вырваться в реальный мир через фотографии. Глаза и силуэт мужчины, смотрящего на меня с угрозой.

— Просто не выспалась, — пустым голосом ответила. Это мягко сказано, не выспалась. Я была в другом мире!

— Ага, как же не выспалась она, — удручённо пробормотал Йёрген. Он присел в кресло, осматривая комнату, будто видел впервые. Честно признаться, я также смотрела на свой мир. — Хочу спросить, интересует ли тебя серия снимков для крупного бренда одежды? Представь, дикую природу Швеции — это своеобразный вызов самой природе.

Он показал локации на планшете, но всё, что видела я в тех узорах тени. Они плавно перемещались по экрану. Одна из них была похожа на фигуру с рогами, которая медленно прошла под водопадом на фотографии.

— Аврора, ты меня слышишь?

— Да, — я отвела взгляд. — Водопад. Подходит.

— Ты смотришь не на водопад, а на пустой кусок скалы.

Я попыталась сфокусироваться на его лице, но за спиной Йёргена в тени книжных полок стоял он. Призрачный, словно дымка, но реальный. Глаза Севера с голубоватым свечением пристально смотрели прямо на меня. Он не улыбался, просто наблюдал, будто ждал чего-то.

— Там... — начала я.

— Что «там»? — Йёрген обернулся, посмотрел на полку, но, конечно же, никого не увидел. — Там пыль и старые книги. Ари, тебе нужен врач. Настоящий. Не массажист и не психолог.

Я заставила себя смотреть в глаза Йёргену и не отвлекаться, но тени, что шевелились позади, настойчиво требовали моего внимания.

— Послушай, я знаю хорошего врача, и ты должна сходить к нему на приём. Просто попробуй и не отказывайся, — он поднялся, и в глазах я прочла страх. Йёрген, похоже, серьёзно был обеспокоен моим поведением. — После консультации, если всё ещё будешь готова, то мы примем предложение.

Всё вокруг напоминало сон. Вот тебе и реальность. Казалось, в зимнем мире я была живее всех живых, но поняла это, только когда вернулась в настоящую реальность. К тому моменту, как Йёрген ушёл весьма обеспокоенный и раздражённый, я была готова снова погрузиться в сон, который так и не наступил.

Вечером, пока чистила зубы, в зеркале увидела силуэт Севера. Закрыв глаза, сплюнула в раковину и умылась. Забравшись в постель, включила телевизор, выбрала программу о животных, когда взгляд задержался на деревьях за окном. Ветви медленно покачивались на ветру, повторяя очертания рогов. Пение китов, о которых рассказывал ведущий, складывалось в чёткое имя «Ав-ро-ра».

Встав с кровати, взяла штатив, установила напротив и поставила камеру на таймер, чтобы заснять себя спящую. Хотя была уверена, что пролежу без сна всю ночь. Закрыв глаза, я лежала и думала, где найти человека, который не примет меня за душевнобольную, а поймёт? Я не хотела пролежать всю оставшуюся жизнь в психбольнице.

Те мысли хороводом бродили в голове, перемежаясь со звуками работающего холодильника и ветвей, что барабанили по окну. В тишине ночи я слышала ледяной звон, точно сосульки сталкивались где-то за стеной.

Утром посмотрев запись, увидела, что находилась в комнате не одна. Возле стены стоял призрачный силуэт. В дальнем углу под потолком кружились глаза стражей. Пугающе и тревожно, будто я смотрела жуткий фильм ужасов со своим участием. Дрожь пробежала по позвоночнику холодным касанием. Встав с кровати, я быстро собралась и покинула комнату.

Вернувшись в мастерскую, позволила аромату уксуса и металла окутать меня. Красный свет от лампы делал всё ирреальным. Я принялась готовить растворы, осознавая, что те механические привычные движения странно успокаивают, но мысли не отпускали.

Передо мной лежали проявленные кадры из прошлой поездки в Стокгольм. На одном из них виднелись фиолетовые полосы северного сияния. На другом, снятом с того же ракурса у подножия горы, появилась странная дымка. Взяв снимок, всмотрелась в него под определённым углом и увидела загадочную процессию. Девять вытянутых бледных силуэтов шли друг за другом. Подойдя к столу, рассмотрела снимок под лупой, понимая, это могла быть игра света и тени. А ещё моего воспалённого воображения.

Чем больше я вглядывалась, тем отчётливее видела, как сполохи сияния на снимках шевелятся, перетекая из одного кадра в другой. Но при этом они создавали единый непрерывный пульсирующий узор. Вставив фотографию в измельчитель, я с упреком смотрела, как прибор съедает каждый пиксель краски, и не чувствовала сожаления.

Подойдя к ванночке, достала новые снимки и развесила. Не прошло и пяти минут, как на них проявился единственный силуэт, от которого я хотела сбежать. Поначалу Север выглядел как тень, с каждой секундой проявляясь всё чётче. Я снова разорвала снимок теперь уже руками и выбросила. Взяла следующий, чтобы обнаружить Владыку зимы. Вскрикнув, смахнула со стола все ванночки. Химикаты разлились по полу. Острый аромат уксуса, смешанного с безумием, ударил в нос.

Я села на пол среди того погрома и обхватила голову руками. Посмотрела на узор, запечатлённый на запястье, который пульсировал мягким голубоватым светом.

— Чего ты хочешь? — прошипела в пустоту мастерской, чувствуя себя идиоткой.

Воздух в углу комнаты сдвинулся. Север не материализовался здесь в моём мире, просто та тень стала гуще и плотнее. А в следующую секунду в сознании прозвучал его голос:

«Ты ушла, но связь уже сформировалась, Аврора. Та метка на запястье — это символ. Ты мост, и он работает в обе стороны».

Это не голос моей совести, и уж тем более он был не похож на галлюцинацию. Скорее знание, которое запечатлелось в моей голове холодное и неоспоримое.

Поднявшись, подошла к большому зеркалу и посмотрела на своё уставшее отражение. Глаза опухли, щёки впали, кожа казалась синеватой — вот почему Йёрген так смотрел на меня. Я выглядела как ходячий труп и пугала не только других, но и себя.

Взгляд расфокусировался, будто я находилась в зеркальной комнате, отсвечивающей алым цветом от лампы в мастерской. В зеркале застыло моё отражение, но поверх него наложилось другое. Стены мастерской отступили, на их месте появились ледяные колонны. Я находилась в своей уютной мастерской и была там в безжизненном холодном тронном зале. Прямо передо мной по ту сторону зеркала стоял Север более реальный, чем кто-либо. Я чувствовала его холод, который касался меня, вызывая мурашки по коже.

— Я не могу так жить, — сказала своему отражению и ему одновременно. — Я сойду с ума.

«Безумие — это лишь принятие большего количества реальностей, — проговорил Север. Его губы в том мире не шевелились, слова формировались в моей голове. — Ты уже не можешь видеть только один мир. Выбери, какой из них будет первичным и помоги мне закрыть другой».

Всё только начиналось, а я уже готова была отказаться от своей жизни и обратиться к профессионалам. Но что это даст? Меня наверняка поместят в какую-нибудь психбольницу, накачают лекарствами и всё никаких новых снимков. Никаких путешествий и охоты за северным сиянием. Я могу попытаться выглядеть реальной и живой, но при этом посещать другой мир, когда засыпаю. Йёрген с его заказами, выставки и нормальная жизнь — всё это теперь казалось тонкой плёнкой над поверхностью бурлящей ледяной бездны.

Я могла принять правила той новой ужасной игры. Превратить свой страх в объектив, а связь с Севером в своеобразный инструмент, чтобы окончательно не сойти с ума. Выдохнув, посмотрела в зеркало на его отражение.

— Хорошо, я в игре, но по моим правилам. Я не стану убегать от прошлого и не буду бояться воспоминаний, которые транслирует Санграаль. Я сниму это на плёнку, и может быть, тогда всё потеряет силу.

В лице Севера впервые промелькнуло что-то кроме скорби и отчаяния. Интерес, а потом слабая, ледяная тень того, что могло бы быть улыбкой.

«Смелый подход. Фотограф становится экзорцистом».

Отражение дрогнуло и погасло. Мастерская снова стала просто мастерской, но теперь всё было иначе. Медленно я подняла свой фотоаппарат, почувствовав знакомую тяжесть. Руки больше не дрожали. Передо мной появилась новая, почти невыполнимая задача — задокумен-

тировать страх чужого сознания, чтобы спасти свой. И моим единственным сопровождающим был тот, кто создал его.

Вот только я не понимала, как можно материализовать вещи из реального мира в Сан-грааль? Может, попробовать уснуть с портфелем в руках? Это должно сработать или нет? Ведь когда я проснулась в мире зимы, на мне была та же одежда, что и в реальности.

Снова открыв ноутбук, ввела в поисковик «Легенды о северном сиянии» и стала щёлкать по ссылкам, быстро читая информацию, пока не наткнулась на одну легенду саамов.

«Говорят, полярная ночь была живой. Давным-давно, когда мир был моложе, зима и тьма не приходили на землю, у них был хранитель. Дух, рождённый из первого льда и тьмы. Он не был злым и не был добрым. Равнодушный, как сама зима. Его задача — забирать тех, кто слишком любил холод и тьму. Саамы называли его „воафсхэсс“.

Когда мир был юн, и люди ещё не боялись тьмы, во чреве зимы родилась дева по имени Савнай. Её отцом был лунный луч, а матерью Госпожа Зима. Волосы у Савнай были белее снега, глаза сверкали, как осколки льда, отражая звёзды. Но сердце её было холодным и неприступным, как самая суровая стужа.

В одну из лунных ночей, скользя по небу на снежных санях, вплетая новые звёзды в ночное полотно, Савнай увидела охотника по имени Бейве. Он был сыном Солнца и последнего луча света, уходящего за горизонт. Кожа сияла золотом, а когда Бейве смеялся, от него веяло теплом, снег вокруг таял и распускались маленькие незабудки.

Когда их взгляды встретились, ледяной и солнечный, сама земля дрогнула. Холодное сердце Савнай оттаяло. Спустившись на землю там, где ступала её нога, земля покрывалась льдом, в воздухе слышался вой метели и треск льда. А там, где стоял Бейве, зеленела трава. Они полюбили друг друга вопреки воле Зимы и безжалостному гневу Солнца.

Желание быть вместе заставило их найти выход. Савнай и Бейве ушли в мир людей, но родители не одобрили их союз.

Солнце в гневе на сына за подобный выбор лишил его света.

„Ты выбрал ледяной холод, потому большие никогда не увидишь света“.

Тогда разгневанная Зима наложилась на Савнай проклятие.

„Выбрав тепло и людей, ты лишилась дара странствовать по свету. Отныне ты навсегда принадлежишь небу“.

В тот же миг Савнай стала невесомой, как пушинка, и ветер унёс девушку высоко в чертоги неба. В отчаянии Бейве сорвал со своего тела последние одежды, которые несли в себе лучи света, и бросил Савнай. Те солнечные нити коснулись девушки и окружили, как сфера. Отразились от её ледяного платья и рассыпались на миллионы разноцветных мерцающих частиц — так впервые в небе вспыхнуло северное сияние. А Бейве, лишившись света, остался на земле, не в силах спасти свою возлюбленную.

Он не мог коснуться её, превратившись в светящегося призрака.

Каждую зиму в самую длинную ночь дух Бейве бродит по земле, посылая в небо свою любовь. А Савнай танцует в вышине, ловит её ледяным платьем, которое отражает цвета, разрывая небосвод красками сияния. Этот извечный диалог страдания и есть их любовь, за которую пришлось заплатить самую высокую цену.

Это история доказывает одно, настоящая любовь даже та, которую превратили в легенду, навсегда остаётся самым ярким светом во тьме».

Откинувшись на диван, я смотрела в потолок, смакуя ту легенду любви и понимая, что она закончилась настоящим провалом. Да, очень красиво, но как же больно и грустно. Те слова Лейфа не выходили из головы. Невеста — сказал он, как и тихие люди, встретившие меня на мосту. Что это значит?

Я ввела в строку новый поиск о невесте Владыки зимы, но не нашла ни одного упоминания. Подбирая другие слова, пытаюсь ввести запрос так, чтобы найти ответ, искала глазами упоминания о северном сиянии и невесте, натываясь на очередные легенды, когда сверху всплыло окно с новым письмом. Я бы не стала его читать, если не заголовок «Пропавшие во льдах». По телу прокатилась волна беспокойства, рука дрогнула. Открыв письмо, увидела ссылку, кликнула и упала в старую статью об исчезновении девушки, пропавшей пятьдесят лет назад.

Специальный репортаж корреспондентки Хильды Сёренсен.

Долина Семи Озёр, расположенная в пятидесяти километрах к северу от Киркенеса, издавна пользуется дурной славой среди местных саамов. Её называют «Гуэттес-гуоппа» — «Сияющая пропасть». Старики говорят, что в ночи, когда северное сияние опускается особенно низко, в долине можно увидеть танцующие фигуры, и горе тому, кто приблизится к ним с нечистым сердцем.

Пятьдесят лет назад в этой долине исчезла девушка, чья история до сих пор заставляет леденеть кровь даже самых закоренелых скептиков.

Дочь смотрителя маяка Ингеборг Хёглунд двадцати одного года вышла из дома вечером восьмого марта и больше не вернулась. Её тело так и не нашли. Но дело не в самом исчезновении, а в том, что видели свидетели.

Что заставило меня, корреспондентку, усомниться в обычной трагедии? Почему эта история не канула в Лету, как сотни других?

Ответ нашёлся в старом полицейском отчёте, который мне удалось раздобыть благодаря помощи отставного констебля Эрика Ларсена.

— Я вёл это дело, — говорил Ларсен, ныне восьмидесятилетний старик, греющий руки у камина в своём доме. — И до сих пор вижу её лицо во сне. Не Ингеборг. Другой. Той, что нашлась.

Он протягивает мне пожелтевшую фотографию. На ней девушка с тёмными волосами и странными, словно выплывшими глазами. Она смотрит в объектив без страха, боли, вообще без эмоций.

— Эту девушку нашли через три недели после исчезновения Ингеборг, в трёхстах километрах, в Финляндии, — продолжал Ларсен. — Она сидела на крыльце заброшенной церкви и смотрела на север. Не говорила ни слова. Документов при ней не было. Одета в какое-то странное платье, расшитое узорами, похожими на северное сияние. Местные подумали, что она сбежала из психушки. Вызвали полицию.

И вот что странно: когда её сфотографировали для протокола, у девушки на левой скуле обнаружили родинку в форме полумесяца. Такую же родинку, по словам матери, имела Ингеборг Хёглунд. И рост, и цвет волос совпадали. Но лицо... лицо было другим. Чужим. Как будто кто-то надел маску, очень похожую, но не идеальную.

— Я спросил её: «Ты Ингеборг?» Она долго молчала, а потом ответила голосом, от которого у меня волосы встали дыбом, — вспоминал Ларсен. — Она сказала: «Ингеборг ушла танцевать. Я теперь буду за неё».

Девушку поместили в психиатрическую лечебницу. Через два дня она исчезла из запертой палаты. Окно закрыто, дверь заперта снаружи. Осталась только странная надпись, выцарапанная ногтем на стене:

«Шестая ждёт седьмую. Счёт продолжается».

Я встречалась с шаманом, последним нойдой тех мест, стариком по имени Аслак Пьелля. Он жил в одиночестве в горах. Аслак отказался говорить о деле Ингеборг, но рассказал легенду, которую хранят его предки.

— Семь сестёр, — сказал он, раскуривая трубку и глядя на догорающий костёр. — Их посылает земля небу, когда люди забывают про боль. Одну за одной. Они танцуют там, в холоде, и ждут, пока не найдётся та, кто сможет разорвать круг. Но круг не рвётся. Он только ширится.

— Что значит «ширится»? — спросила я.

— Раньше они приходили раз в сто лет. Потом — раз в пятьдесят. Теперь чаще. Каждые двадцать, десять лет. Им нужно всё больше, холодно там. Они хотят тепла. Но тепло, которое они забирают, не греет. Оно только продлевает танец.

Я спросила, можно ли спасти ту, кого выбрали. Аслак долго молчал. Потом поднял на меня глаза, и я увидела в них бездну.

— Спасти? — переспросил он. — А ты спроси их, хотят ли они, чтобы их спасали? Они уже танцуют, позабыв, что было в их реальной жизни. А та, что помнит, становится следующей.

Свен Хёглунд, отец Ингеборг, до самой своей смерти отказывался говорить о той ночи. После смерти отца осталась только Анна, девушка, которая прячется в доме, не желая выходить на улицу и встречаться с северным сиянием лицом к лицу.

Дело Ингеборг Хёглунд остаётся открытым до сих пор. Её тело не найдено. Объяснений нет. Есть только слухи, легенды и страх в глазах тех, кто видел то, что не должен был видеть.

Я, Хильда Сёренсен, не верю в мистику. Но когда покидала долину Семи Озёр, над скалами загорелось северное сияние. Оно было зеленее обычного, и в нём мне почудились очертания фигур. Они танцевали, и одна из них, самая новая, молодая, казалось, смотрела прямо на меня.

Я уехала на рассвете и больше никогда не возвращалась.

Ингеборг. Шестая. Она ждала седьмую. Меня.

«Счёт продолжается».

Ветер за окном усилился. Где-то вдалеке, над горами, загоралось знакомое зелёное свечение и в самой его глубине мне почудились семь танцующих фигур. Одна из них, самая новая, молодая, повернула голову в мою сторону и улыбнулась.

Моими губами.

Глава восьмая. Расследование

Желание разобраться во всём происходящем, больно жалило изнутри. Посмотрев на отправителя, я поняла, что не знаю, кто это. Незнакомый, приславший статью в самый подходящий момент, будто следил за мной. Вздвогнув от того зловещего предположения, закрыла ноутбук и встала, когда в дверь постучали.

— Кто там? — дрогнувшим от страха голосом спросила.

— Йёрген.

Грустно вздохнув, открыла дверь.

— Я хочу немного пройтись, составишь мне компанию? — Он нагло осмотрел меня, отмечая тёплый свитер и бледную кожу. — На улице очень тепло, возможно, это поможет согреться.

У меня был другой план найти Анну, сестру пропавшей без вести девушки и узнать её историю, но говорить об этом Йёргену не хотелось. Надев ветровку, взяла ключи и вышла. В полной тишине мы прошли несколько улиц, но я так и не почувствовала тепла солнца.

— Аврора, я хочу познакомить тебя кое с кем, — остановившись возле большого здания, махнул рукой Йёрген.

Сомнения роились в голове, но всё же я кивнула и последовала за ним.

Как только мы вошли в кабинет, в нос ударил запах дорогого дерева. Я крепко стиснула зубы, осознав, что Йёрген солгал. Увидев табличку на которой было написано «Доктор Джон Ламберт, ведущий специалист по психосоматическим расстройствам», почувствовала гнев, нарастающий внутри.

На столе лежала моя карта, которую так заботливо принёс Йёрген. Внутри заключение невролога, но самое худшее там были мои записи. Я заметила распечатанные статьи о синдроме полярной ночи и психозе в условиях изоляции.

Йёрген подтолкнул меня к креслу и сел рядом, скрестив руки на груди. Он выглядел виноватым, но даже не пытался извиниться за столь бесцеремонное вмешательство в мою жизнь.

— Она замирает, Джон. Смотрит в одну точку, будто находится в другой реальности, — как точно подмечено. — Потом отходит, говорит, что просто задумалась. И холод... Она всё время мёрзнет. В июле.

Я сидела прямо, как струна. В тёплом свитере, надетом поверх рубашки. Отвернувшись и посмотрела в окно, за которым клубились обычные облака, пока Йёрген выдавал мою историю.

— Аврора, Йёрген очень обеспокоен. И, просмотрев эти материалы, должен сказать, я тоже. Расскажите, что происходит?

Я не отвела взгляда от окна, когда ответила:

— Со мной всё в порядке. Это просто усталость. Профессиональное выгорание. Йёрген преувеличивает.

— Преувеличиваю? Скорее преуменьшаю твою нездоровую попытку найти прошлое. Докопаться до истины, которую придумала в голове. Отправляясь на поиски северного сияния в самые отдалённые города, ты рискуешь не вернуться живой.

Я повернулась к Йёргену, чувствуя, как внутри разгорается не гнев.

— Ты ведь понимаешь, что вдали от городских огней, которые слепят, невозможно найти красивое сияние. К тому же у меня активное воображение. Я погружена в проект.

— Проект о северном сиянии, верно? — вклинился доктор, мягким успокаивающим тоном. — Я видел ваши последние работы. Они тревожные. Почти галлюцинаторные. Вы говорите, что «ловите истинную суть сияния». Не опасно ли так глубоко погружаться в тему, которая уже связана с семейной травмой?

— Фотография — это способ понять, чтобы понять, нужно подойти близко.

Доктор Джон прищурился, явно не разделяя моего мнения. Именно этого я и опасалась, что меня не поймут. Примут за ненормальную, которую следует изолировать.

«23 июля. Ледяной мост. Глаза стражей светятся голубыми огнями. Они пропускают только тех, кто не боится стать частью узора. Я прошла. На запястье остался холодный след».

Доктор Джон положил дневник на стол и внимательно посмотрел на меня, пока его взгляд не остановился на запястье. Там, на тонкой коже, виднелся странный синеватый узор не похожий на синяк или рану.

— Откуда это, Аврора?

— Не помню.

— Она никогда не помнит, — горестно добавил Йёрген. — Просто просыпается с синяками и царапинами.

Далее последовал тотальный осмотр до самого основания, который показал, что я в норме. Температура кожи оказалась аномально низкой, особенно на конечностях рук и ног. Термометр показал 34.8°C.

— Вегетативная дисфункция, — пробормотал доктор Джон.

Когнитивные тесты я прошла безупречно, но споткнулась на тесте Роршаха. На обычном пятне большинство людей видят бабочку или летучую мышь, а я замерла.

— Что вы здесь видите, Аврора?

— Зал. Колонны и чьё-то лицо в тени, — Йёрген фыркнул, но я не стала шипеть на его явное пренебрежение. — Оно собрано из осколков.

Снова внимание вернулось к окну, и я заметила особенно большое облако, неспешно плывущее по небу. Оно отбрасывало причудливую тень на стену кабинета, которая красиво легла на портрет какого-то неизвестного мне мужчины. Я почувствовала, как пульс подскочил, а после резко упал.

— Аврора, я исключаю шизофрению в классическом понимании, — это было прекрасным началом, но всё же имелись отклонения, я понимала это по суровому взгляду доктора. — Органических поражений мозга тоже нет, но у вас наблюдается комплекс определённых симптомов. Деперсонализация — это своеобразное ощущение нереальности окружающего мира. Тактильные и визуальные псевдогаллюцинации, тесно связанные с идеей северного сияния, и необъяснимая гипотермия. Всё это на фоне не пережитой травмы потери родителей и экстремальных условий работы, выражается в осознанных сновидениях и ощущении, что они реальны.

— Так каков ваш вердикт, доктор? — монотонным голосом спросила я.

— Я рекомендую срочную госпитализацию в специализированную клинику. Место, где лечат тяжёлые неврозы и посттравматические синдромы с помощью изоляции от триггеров, терапии и, возможно, мягкой медикаментозной коррекции, — это именно то, чего я боялась. — Вам нужно оторваться от этого севера. От холода и снимков.

— Вот видишь? Я же говорил. Это поможет.

Оторвав свой взгляд от окна, я по очереди посмотрела на обоих мужчин. В моих глазах они не прочли ни страха, ни протеста. Там царила тотальная ясность отказа.

— Вы хотите оторвать меня от единственной реальности, которая у меня осталась.

— Нет, Аврора. Мы хотим вернуть вас к настоящей реальности.

— А что, если та реальность, — я махнула рукой куда-то в пространство за окном, — лишь тонкая плёнка? А под ней океан. Тёмный, холодный и настоящий. И я теперь знаю, как эту плёнку прорвать. Вы предлагаете дать мне таблетку, чтобы забыла, что видела океан.

Я плавно встала, будто это ко мне пришли на приём.

— Спасибо за заботу, Йёрген. Спасибо за диагноз, доктор. Но я не поеду в вашу клинику, ведь если перестану видеть, то кто тогда будет замечать их? И кто предупредит вас, когда плёнка начнёт рваться уже не только подо мной?

Я направилась к двери понимая, что не следовало говорить того безумия, но теперь была чётко уверена в одном, если придётся, сбегу.

— Аврора, остановитесь, — строгим голосом, попросил доктор Джон. Обернувшись, я заметила, как он быстро пишет что-то на бумаге. — Это рецепт таблеток, которые помогут вам нормально спать. Минуту быструю фазу сна, они сразу же отправят ваше сознание в глубокий сон без сновидений. Возможно, это поможет отдохнуть и набраться сил.

Я прищурилась, пытаясь найти разумные доводы для подобного поступка и решила, что доктор Джон хоть и предложил клинику с медикаментозным лечением, не отправил туда насильно. Он предлагал альтернативу. Нечто вроде оливкой ветви, которую я приняла. Взяв рецепт, сложила и убрала в карман.

— Ари, подожди, — крикнул Йёрген подбегая ко мне. — Это же безумие! Ты слышишь себя?

Застыв у порога, я обернулась.

— Возможно, это безумие, но оно моё.

Решение пришло холодной, тяжёлой уверенностью, которая свинцом осела на дне желудка. Вернувшись домой, я перечитала статью, понимая, что Анна, может дать ответы. Она была единственной живой свидетельницей, не считая мёртвых и тех, кто танцует в небе.

Я стала искать местоположение Анны, но каждый раз вбивая в поисковой строке ту историю и имена, натывалась на ошибку. В очередной раз перезагрузив страницу сеть выдала одно лишь название дом престарелых в Киркенесе. Схватив телефон, набрала номер. Три раза меня перенаправляли на голосовой автоответчик, но я не сдалась. Как только услышала тихий голос девушки на том конце провода вцепилась в трубку, будто отпусти я её и связь оборвётся.

— Здравствуйте. Я бы хотела узнать есть ли среди ваших подопечных Анна Хёглунд?

— Хёглунд? — повторила девушка будто, не веря. — Она у нас. Вы родственница?

— Да, — соврала, не моргнув глазом. — Очень дальняя.

— Конечно, приезжайте, она будет рада. Только предупреждаю: старушка не в себе. Говорит странные вещи.

Я положила трубку и посмотрела на своё отражение в тёмном окне. За стеклом, как по расписанию, начинало разгораться сияние. Зелёное. Ждущее.

— Скоро, — прошептала я невидимым танцовщицам. — Я узнаю, что вы такое.

Дорога в Киркенес заняла пять часов. Ночной перелёт, в котором я не сомкнула глаз постоянно посматривая на таблетки, которые выписал доктор Джон, сопровождалась северным сиянием. Оно висело над горизонтом всю дорогу бледное, настойчивое, как незакрытая рана в небе.

Дом престарелых «Северный Покой» оказался трёхэтажным бетонным прямоугольником, воткнутым в скалу на самой окраине города. Ветер завывал так, что, казалось, стены вибрируют. Внутри пахло хлоркой, варёной рыбой и тем особенным запахом старости, который невозможно спутать ни с чем. Запахом уходящих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.